

ISSN 2312-377X

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (37)

2018

Сургут

Учредитель и издатель:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-63200 от 1 октября 2015 г.

Издается с марта 2000 г.
Выпускается 2 раза в год.

Главный редактор:
С.М. Косенок, д.пед.н., профессор

Редакционная коллегия:
М.Г. Меерович, член-корр. РААСН, д.ист.н., д. архитектуры, профессор
С.А. Баканов, д.ист.н., доцент
В.Д. Пузанов, д.ист.н., профессор
О.В. Ищенко, д.ист.н., профессор
В.Н. Логвин, д.ист.н., профессор
А.И. Прищепа, д.ист.н., профессор
В.В. Мархинин, д.филос.н., профессор
Д.В. Кирилюк, к.ист.н., доцент
И.Н. Стась, к.ист.н.
М.А. Авимская, к.ист.н., доцент
А.А. Хадынская, к.филол.н., доцент

Ответственный редактор:
А.П. Чалова, к.филол.н.

Переводчик:
М.О. Бенская

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки
на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:
628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: chalova_ap@surgu.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	4
ИСТОРИЯ	
Курносков В. В. Земледелие на территории Западной Сибири в дорусский период (историография проблемы).....	5
Солодкин Я. Г. Первые атаманы Сургутского гарнизона	11
Ковалева И. В. Трапеза Нерчинского Успенского монастыря (Восточное Забайкалье) в первой половине – середине XVIII в.	15
Мясников А. В. К истории открытия Кличкинского полиметаллического месторождения и рудника	18
Рудницкий Ю. А. Внешний облик Томска в период пребывания цесаревича Николая (по материалам газеты «Томские епархиальные ведомости»).....	23
Татарникова А. И., Федотова Д. Ю. Проблемы развития медицины в Сургутском уезде Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.	26
Цысь С. С. Решение финансовых вопросов епархиальными съездами духовенства Тобольской епархии (1870–1916 гг.)	29
Спичак А. В. Из истории награждения лиц духовного ведомства Тобольской епархии в начале XX в.	34
Литягина А. В. Социальная помощь нуждающемуся населению в городах Западной Сибири в эпоху модернизации (1861–1917 гг.)	38
Гавриленко М. В. Традиции и инновации в питании русских Верхнего Приобья и Саяно-Алтая в 1920–30 гг.	43
Анцифирова Н. А., Морозова Н. А. Бытовая культура коренной сургутянки XX столетия	48
Рашевская Н. Н. Заработная плата как фактор мотивации труда тюменских рабочих в 1945–1965 гг. (на примере завода «Механик»).....	53
Мархинин В. В. (мл.) Партии и их кандидаты на местных выборах: кадровый состав, доверие избирателей, факторы успеха (на примере избирательных кампаний в Сургуте, 2011–2016 гг.)	59
Наши авторы	66
Требования к оформлению материалов	68

Дорогие друзья!

Журнал «Северный регион: наука, образование, культура» продолжает публиковать материалы по истории Западной Сибири.

Издание представляет различные города России (Читу, Бийск, Новосибирск, Томск, Тобольск, Нижневартовск, Сургут). Среди авторов ученые, преподаватели, аспиранты и студенты из Сургутского государственного университета, Сургутского государственного педагогического университета, Нижневартовского государственного университета, Томского государственного педагогического университета, Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина, Забайкальского государственного университета, Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, а также сотрудники Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук, архивисты Забайкалья и краеведы Сургута.

Основная тематика статей связана с различными аспектами изучения истории региона в контексте общего развития российского государства от Древней Руси до настоящего времени и отражает вектор развития северного края, его тесную связь с историей всей страны и уникальность формирования собственного жизненного уклада. В их числе развитие земледелия в дорусский период в Сибири, деятельность атаманов Сургутского уезда, роль государственных и религиозных деятелей в истории Сибири, социальные проблемы жителей Севера России в конце XIX века и на протяжении XX столетия, сохранение и изменение культурных традиций русского населения.

Желаем читателям найти интересные и полезные материалы о жизни Севера России, увидеть перспективы для собственных научных изысканий.

С уважением
редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура»

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.1)(=512.145):631

Курносов В. В.
Kurnosov V. V.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ДОРУССКИЙ ПЕРИОД (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

AGRICULTURE ON THE TERRITORY OF WESTERN SIBERIA IN THE PRE-RUSSIAN PERIOD (HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM)

Земледелие аборигенного населения Западной Сибири остается одной из малоисследованных проблем в сибиреведении. Основная причина тому – слабое освещение данной темы письменными источниками и фрагментарный характер археологических материалов. За более чем двухсотлетнюю историю изучения проблемы, в отечественной историографии накоплен большой опыт по решению отдельных вопросов, касающихся данной темы, которые требуют осмысления.

Agriculture of the aboriginal population of Western Siberia remains one of the understudied problems in the Siberian study. The main reason is a poor coverage of the subject by written sources and a fragmentary nature of archaeological materials. Native historiography for more than 200 years has broadened experience in solving such problems. These problems require further consideration.

Ключевые слова: мотыжное, плужное земледелие, сибирские татары, обские угры, дорусский период.

Keywords: hoeing, ploughing, Siberian Tatars, Ob-Ugrians, Pre-Russian Period.

Земледелие как одна из отраслей производящего хозяйства населения Западной Сибири получило освещение в ряде работ исследователей истории края [1; 2; 3; 13; 21; 22]. Однако, несмотря на более чем двухсотлетнюю историографию, многие вопросы по данной теме остаются актуальными и по нынешний день. К наиболее дискуссионным относят такие вопросы, как уровень развития земледелия, система обработки земли, географическая зона его распространения, был ли процесс развития местного земледелия конвергентным или испытывал влияние агрикультурных традиций соседних регионов. По общему мнению исследователей, сложившаяся ситуация связана с состоянием источниковой базы. А именно, со скудностью сведений в письменных источниках, фрагментарностью археологических материалов земледельческого характера и их различной функциональной оценкой исследователями [22, с. 195]. Накопившийся историографический задел по проблеме требует осмысления. Цель данной статьи освятить подходы исследователей к решению отдельных вопросов на различных этапах становления и развития проблемы.

История изучения дорусского земледелия разделяется на этапы, которые отличаются друг от друга состоянием источниковой базы и различными подходами к решению отдельных проблем. Для исследователей XVIII–XIX вв. характерна только фиксация земледелия на территории Западной Сибири. Основными источниками в этот период являются письменные – сибирские летописи, актовый материал и предания.

Наиболее раннее упоминание о дорусском земледелии мы находим в работах Г.Ф. Миллера. Исследователь опирался как на личные наблюдения, так и на данные Ремезовской летописи, в которой упоминание о хлебных запасах среди трофеев казаков Ермака на большом пространстве от «Чингиды» до Демьянских городков встречается несколько раз [19, с. 321, 326, 330, 332, 333]. Он писал, что к началу русской колонизации тюменские татары жили оседло в своих юртах, занимались земледелием и скотоводством [12, с. 274]. Земледелие на начало русской колонизации фиксируют путешественники и исследователи. Так Вебер, побывавший в Барабе в начале XVIII в., указывал на земледелие у барабинцев, при большой роли скотоводства и пушной охоты [10, с. 19]. И. Фишер в 1741 г. писал о чулымцах: «Татары в этой местности сеют хлеб – ячмень, ярицу, овес и рожь, но последняя удаётся не каждый год» [16, с. 171]. И.Г. Георги в 1771 г. писал о туралинских татарах «они упражняются в землепашестве, но мало, больше же стараются о скотоводстве», о скромных наделах «до трех десятин» земли под пашню у тобольских татар [7, с. 29, 33].

Вопрос о северных границах распространения аборигенного земледелия затрагивал С.К. Патканов. Из летописного рассказа о походе атамана Брязги в 1581 году в будущую Аремзянскую волость, что в 50 верстах к северу от Тобольска, автор делал вывод о том, что атаман там «застал хлебопашество» [14, с. 37].

Проблемы земледелия затрагивал Н.М. Ядринцев. В своей работе он анализирует не только письменные свидетельства, но и вводимые в этот период в исторический оборот археологические материалы. Им описаны орудия земледелия (остатки сошника, жерновов, серпов), обнаруженные М.С. Знаменским на раскопках столицы Сибирского ханства Искер [15]. Для исследуемой темы интересны его замечания о сходстве орудий земледелия народов Алтая и Западной Сибири [30].

Изучаемая проблема получила свое развитие в советский период. С введением С.В. Бахрушиным в исторический оборот большого пласта архивных материалов – ясачных книг, сыскных дел, отписов воевод в Сибирский приказ и шертных грамот. Им были затронуты вопросы, связанные с существованием земледелия до начала русской колонизации и масштабами его распространения [3]. Так, сведения из грамоты царя Бориса Федоровича туринскому голове Федору Фофанову от 12 марта 1601 г. исследователь рассматривал как свидетельство дорусского земледелия. Согласно отрывку из грамоты, острог был возведен на месте уже имеющейся пашни: «остяки Епанчин брат Тувонга Кувандыков и в товарищей своих место 50 человек, которые жили с Епанчею, нам бьют челом: которые де у них земли пашенные были и те их земли заняты под острог и под нашу пашню». Ниже, по мнению автора, говорится о масштабах распространения земледелия в рамках одного уезда. Так, в Туринском уезде «всего пашенных 12 юртов, да 2 юрта непашенных, и обоего 14 юртов» [2, с. 18].

С такими выводами не согласился И.В. Шунков. В частности, автор обратил внимание на то, что упоминание о «дорусском» хлебе содержится только в «Ремезовской летописи». В то время как в Строгановской и Есиповской летописях и в большинстве иностранных свидетельств о Сибири до половины XVII в. местное земледелие либо отрицается, либо сведения о нем просто умалчиваются. Археологические материалы, обнаруженные в бывшей столице ханства г. Искер, в 1915 г. И.В. Шунков относил к русской эпохе [27, с. 97]. Он так же подверг критике толкование С.В. Бахрушиным грамоты царя Бориса Федоровича туринскому голове Федору Фофанову от 12 марта 1601 г., согласно которому вогулы занимались хлебопашеством еще до прихода русских. По мнению И.В. Шункова в грамоте речь идет о хлебопашестве, которое еще предстояло организовать [27, с. 104]. В целом И.В. Шунков, не отрицая наличия дорусского земледельца в Сибири, сделал вывод о его примитивном по своему техническому и хозяйственному значению характере [27, с. 108]. Сравнивая с земледелием русского периода с дорусским, он пишет, что «мы за XVII в. наблюдаем огромный шаг вперед, что

выразилось в появлении в Сибири неведомых ей ранее культур, а также в появлении неизвестных Сибири, передовых для того времени, форм полеводства» [27, с. 136]. В дальнейшем он пересмотрел свои взгляды и пришел к выводу, что пашенное земледелие на территории Сибирского юрта могло существовать, но из всех групп сибирских татар оно получило распространение только у тобольских и тюменских татар, живших по Тоболу, Исети, Пышме, Туре, Вагаю, Ишиму и Иртышу [28, с. 104]. Работа И.В. Шункова представляет большую ценность для исследования проблемы тем, что в ней впервые был определен уровень земледелия как пашенный, и указана география его распространения.

Изучавшая земледелие томских, чулымских и барабинских татар З.Я. Бояршинова пришла к выводу о его допашенном уровне развития. Такой вывод автор сделала, опираясь на археологический материал, а точнее отсутствие в находках предметов, относимых плужному земледелию [5].

Расширение проблематики аборигенного земледелия в Западной Сибири происходит с начала 1980-х гг. Историки, археологи, этнографы попытались определить место земледелия в экономике жителей лесостепей, решить вопросы, связанные с районированием, эволюцией и уровнем развития. Повышение интереса к проблеме связано с вводом в исторический оборот новых археологических и этнографических материалов.

По-новому взглянуть на проблемы местного земледелия позволили обнаруженные в Среднем Приобье (могильники Тимирязевские I, II, Юрт-Акбалык 8, Черное озеро) сошники к плугу с однолезвийным полозом, которые датируют VI–VIII вв. [4, с. 101]. Однако не все исследователи рассматривают эти находки как орудия плужного земледелия. Например, Л.А. Чиндина считает, что для данного утверждения недостаточно материала. По ее мнению, «найденные предметы не являлись принадлежностью плуга, поскольку он относится к лемешным земле обрабатывающим орудиям». Отсутствие в памятниках раннего железа и средневековья на территории Среднего Приобья таких, по ее мнению, обязательных атрибутов пашенного земледелия, как серп – основное орудие уборки урожая, а также наличие стационарного очага-печи, свидетельствующей о прочной оседлости, позволяют говорить только о мотыжном земледелии [29, с. 86].

Схожую позицию занимает В.А. Могильников. Он относит найденные в Томском Приобье железные наконечники почвообрабатывающих орудий к орудиям для выкапывания съедобных корней, хотя и не исключает элементарного представления о пашенном земледелии у местного населения, которое они могли получить из Минусинской котловины [13, с. 229]. Где с началом кыргызской эпохи с V–VI вв., согласно исследованиям Л.А. Евтюховой, обработка земли производилась деревянными сохами с железными сошниками или при помощи плугов, а площадь посевов, по сравнению с предыдущими эпохами, увеличивается [9, с.80].

В начале 1980-х гг. Е.А. Сидоров на основе материалов памятников, расположенных на границе тайги и лесостепи Приобья, пришел к выводу о развитии пашенного земледелия у барабинских татар во второй половине I – первой половине II тыс. н. э. Он также, охарактеризовал систему земледелия, как подсечно-огневую с сошной обработкой земли. Автор высказал точку зрения о существовании в более южных районах в средневековье однорукоятчного прямогрязильного рала с коротким грядилом и коротким горизонтальным полозом без стойки [21]. Процесс зарождения земледельческих орудий в регионе, по его мнению, мог быть конвергентным [20].

Для рассматриваемых нами вопросов важна работа Н.А. Томилова. В ней на основе теории хозяйственно-культурных типов, были выделены группы тюркского населения Западной Сибири. Согласно автору, «у части тобольских, тюменских, тарских и коурдакско-саргатских татар имел место и ХКТ плужных земледельцев-скотоводов» [23, с. 80], а для барабинцев XVII–XIX вв. отмечена хозяйственная многоукладность. Распространение пашенного земледелия автор связывает с переселениями из районов

Средней Азии оседлых земледельцев. А распространение земледелия в западных районах изучаемого региона, по предположению автора, происходило с европейской территории [23, с. 91].

Своего рода обобщающей работой советского периода, касающейся проблем земледелия в Западной Сибири, можно назвать статьи и монографию В.И. Соболева. В них автор дает наиболее полную историю изучения проблемы в отечественной исторической науке, а также предлагает свои пути решения актуальных вопросов. На основе анализа большого круга источников, автор определил уровень развития земледелия для татар Тоболо-Иртышской группы как достаточно высокий. Для него характерна залежно-переложная система земледельца, которая предполагает использование «специальных орудий плужного типа и достаточного количества скота» [22, с. 202]. В то же время уровень развития земледелия барабинских и тарских татар оставался низок и в этнографическое время. В решении вопроса об эволюции земледелия в регионе автор, в целом, соглашается с Е.А. Сидоровым, при этом не исключая возможности проникновения земледельческих навыков и орудий с запада или востока. В вопросах масштабах и географического распространения земледелия позиция автора схожа с мнением Бахрушина и С.К. Патканова, основанных на письменных источниках [22, с. 204].

В современной историографии затронутые ранее проблемы получили свое дальнейшее развитие. Так выказанная ранее позиция И.В. Шункова о влиянии русской агрикультурной традиции на развитие пашенного земледелия сибирских татар продолжает присутствовать в работах Г.М. Козина. Н.В. Кузнецова, С.Ю. Первых, Ф.Т. Валеева. Причем предполагалось, что это влияние испытали не только сибирские татары, но и переселившиеся – поволжские татары [11, с. 187; 6, с. 74].

Подобные утверждения вызвали возражения со стороны Н.А. Халикова. По его мнению, сибирские татары знали пашенное земледелие с определенным набором орудий в дорусский период, на что указывают тюрко-татарские названия земледельческих орудий. Что касается поволжских татар, то у них была развитая для своего времени земледельческая культура, которая в силу этнокультурной близости оказывала большее влияние на земледелие сибирских татар [26].

По мнению Г.Л. Файзрахманова, очагами земледелия, из которых оно проникло в Западную Сибирь, являются Минусинская котловина или северные предгорья Алтая. Как он полагает, именно «предки сибирских татар принесли земледелие на Барабу, оттуда – в Прииртышье и Притоболье» [25, с. 141].

Против однобоких взглядов на происхождение земледелия в регионе выступает А.В. Головнев. Он обращает внимание на то, что традиции скотоводства и земледелия в регионе сложились в дотюркское время в эпоху бронзы. Автор не исключает возможность того, что «некоторые формы хозяйства (земледелие) тюрки скотоводы переняли именно от южных угров [8, с. 147].

На современном этапе изучения проблем земледелия, исследователи находят объяснение отсутствия в археологических памятниках орудий пашенного земледелия и письменных свидетельств о нем перед началом русской колонизации. По предположению А.А. Адамова, несмотря на отсутствие письменных сведений о пашенном земледелии в Новосибирском Приобье, в X–XVI вв., продолжает существовать сошное земледелие с применением подсеки. На это косвенно указывает серп в могильнике XIII–XIV вв., большое распространение в погребениях мужчин тесел, которые могли служить как топоры при расчистке старых участков и существование пашенных терминов в лексике томских татар [1, с. 71]. Причиной угасания или блокировки развития традиции выращивания злаков могло стать преобладание скотоводческого направления, связанного с миграциями кочевников, как это случалось в юго-западных районах Западной Сибири во времена господства носителей саргатской культуры и сарматов [18] и в Барабинской лесостепи в XIII–XIV вв. [24, с. 171].

Также в современной историографии исследователи более осторожно относятся к письменным свидетельствам о земледелии в районе 60 параллели. Справедливо полагая, что письменные свидетельства не подтверждаются данными этнографии и археологии [14, с. 307].

Таким образом, проблема дорусского земледелия в Западной Сибири прошла этапы от становления до развития, однако далека от своего окончательного решения. Для дореволюционной историографии характерна только фиксация земледелия у аборигенного населения. В начале советского периода исследователи стали более критично относиться к данным письменных источников, что позволило подкорректировать представление о масштабах и уровне развития земледелия. С 1980-х гг. ввод в исторический оборот новых археологических и этнографических материалов послужил импульсом для расширения проблематики. В этот период исследователи занимаются вопросами датировки появления плужного земледелия, уровня его развития, истоков проникновения и т.д.

Литература

1. Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск – Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
2. Бахрушин С. В. Остяцкие и Вогульские княжества в XVI–XVII веках; Очерки по истории колонизации Сибири в веках. Екатеринбург : Баско, 2007. 284 с.
3. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. III. Ч. 2. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 2007. С. 153-175.
4. Беликова О. Е., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н. э. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1983. 243 с.
5. Бояршинова З. Я., Степанов Н. Н. Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С. 475-504.
6. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань : Татарское кн. изд-во, 1993. 208 с.
7. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1799. 178 с.
8. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства Северо-Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 204 с.
9. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 109 с.
10. Зиннер Э. П. Известия шведских военнопленных о Сибири // УЗ ИГПИ. 1961. Вып. 8 (10).
11. Козина Г. М., Кузнецова Н. В., Первых С. Ю. Влияние этнической ситуации на хозяйственные занятия тарских татар. (Предварительное сообщение по материалам Большереченского района Омской области) // Этнокультурные явления Западной Сибири. Томск, 1978. С. 186-187.
12. Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 664 с.
13. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1984. С. 163-236.
14. Патканов С. К. Сочинения в двух томах: Т. 2. История колонизации Сибири / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень : Издательство Ю. Мандрики, 1999. 320 с.
15. Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. Тобольск, 1915. Вып. 25..
16. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан : Хакасское книжное издательство, 1957. 308 с.

17. Рафикова Т. Н., Чикунова И. Ю. Хозяйство средневекового населения лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. Вып. 4 (19). С. 81-90.
18. Рябогина Н. Е., Иванов С. Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы, аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 96-106.
19. Сибирские летописи. СПб. : Импер. Археографическая комиссия, 1907. 464 с.
20. Сидоров Е. А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск : Наука, 1986. С. 54-66.
21. Сидоров Е. А. Новые данные по истории земледелия эпохи Средневековья в Западносибирской лесостепи (по материалам Приобья) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 52-56.
22. Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск : Наука, 2008. 356 с.
23. Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. 222 с.
24. Троицкая Т. Н., Молодин В. П., Соболев В. П. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск : Наука, 1980. 183 с.
25. Файзрахманов Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века. Казань : ФЭН, 2002. 540 с.
26. Халиков Н. А. Этнокультурные особенности западносибирских татар. // Сибирские татары : сб. статей. Казань : Институт истории АН РТ, 2002. С. 59-85.
27. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М.-Л., 1946. 229 с.
28. Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. Москва : Наука. 1974. 376 с.
29. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. 256 с.
30. Ядринцев Н. М. Начало оседлости // Литературный сборник : собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб. : Издание редакции «Восточного обозрения», типография И. Н. Скороходова, 1885. С. 139-178.

*Солодкин Я. Г.
Solodkin Ya. G.*

ПЕРВЫЕ АТАМАНЫ СУРГУТСКОГО ГАРНИЗОНА*

FIRST ATAMANS OF THE SURGUT GARRISON

На протяжении первых десятилетий существования Сургута атаманами в его гарнизоне, который вскоре после основания города увеличился почти вдвое, а затем стал сокращаться, являлись Т. Иванов (переведенный со своей станицей из Пельма), Т. Федоров, Б. Зубакин, Т. Деев (под началом которого состояли черкасы и «литва»). Эти атаманы, прежде всего Т. Федоров (челобитная которого за 1626 г. – один из самых ценных источников по ранней истории Сургута), выполняли разнообразные военные, фискальные, административные функции.

For the first decades of Surgut's existence, atamans in its garrison were T. Ivanov (moved with his stanitsa from Pelym), T. Fedorov, B. Zubakin, T. Deev (Cherkasy and “Litva” were under his authority). The Surgut garrison has almost doubled soon after foundation of the city, and then began to get smaller. The atamans, especially T. Fedorov (whose chelobitnaya (1626) is one of the most valuable sources on the early history of Surgut), performed various military, fiscal and administrative functions.

Ключевые слова: Сургут, гарнизон, Т. Иванов, Т. Федоров, Б. Зубакин, Т. Деев.
Keywords: Surgut, garrison, T. Ivanov, T. Fedorov, B. Zubakin, T. Deev.

Летом 1594 г. отрядом письменного головы В.В. Аничкова был основан Сургут – первый русский город в Среднем Приобье. С прибытием вскоре из Пельма станицы Т. Иванова численность гарнизона этой крепости достигла 155 человек (хотя, вопреки утверждению Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского, не только казаков [19, с. 239]). В 1601 г. численность жителей составила уже 280, но потом стала сокращаться [6, с. 82; 8, с. 98, 120 – 121; 24, с. 13, 16, и др.]. Часто высказывавшееся мнение, будто 155 служилых участвовали в закладке стен и башен Сургута, неточно, как отметил В.Д. Пузанов, столько ратных людей находилось там в 1596 г. [18, с. 99].

Первый известный нам атаман сургутского гарнизона – Темир Иванов. Его отряд, крупный с точки зрения В.Д. Пузанова [18, с. 88], появился в «срубленном» на территории Бардакова княжества городе в 1594–1595 гг. [13, с. 356]. Мнение о том, что жители «Темировой станицы», включавшей донских, терских и «сольских» или «вольских» (т.е. «польских»), иначе говоря, выходцев с Поля, либо волжских казаков [20, с. 313, ср. с. 316]), сравнительно быстро вернулись в Пельм [18, с. 99], не может считаться основательным. Видимо, Т. Иванов попал в «Сибирскую страну» в составе рати воеводы князя П.И. Горчакова, летом 1593 г. выстроившего эту крепость на Тавде [16, с. 198], а вскоре был, как предполагалось, на время, отправлен с казаками своего «прибору» в только что заложенный «Сургуцкий город» (эта рать, кстати, включала терских и польских казаков [12, с. 341, 342]). Возможно, пельмцы под началом Т. Иванова сменили в Сургуте участвовавший в его «поставлении» отряд березовского атамана Д. Базарова.

Среди казаков «Темировой станицы», не исключено, находился Тугарин Федоров [21, с. 12], о котором, главным образом благодаря его челобитной (1626 г.), мы знаем гораздо больше, нежели о его сослуживцах. В этом документе (содержащем просьбы

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17–11–86004.

казачьего атамана об отставке «ото многих служб, от ран, увечей», поверстании в «царскую службу» сына Петра и наделении его «жалованьем денежным и хлебным из моего (Тугарина. – Я. С.) окладу»), а также некоторых других источниках сообщается о приведении Федоровым «под высокую государеву руку» новых «землиц», вплоть до «улуса» енисейских остяков, Кети и Томи, и его участия в боях с болотниковцами, «польскими и литовскими людьми» на «Руси» в Смутное время [1, с. 80-81; 7, с. 19, 21, 23; 8, с. 122-123; 16, с. 146, 147, 199-201; 22, с. 7-14; 23, с. 25, и др.]. (В.П. Зиновьев назвал атамана Тугарином-Федоровым [9, с. 433], т. е. превратил его имя в первую фамилию). Любопытно, что Тугарин, «ставивший», если верить его челобитной, Пелым и Сургут, в 1611 г. вместе с сургутским казаком (возможно, из станицы самого Федорова) П. Колпашником давал в Москве (но не в Сибирском приказе [19, с. 211], а в Казанском) показания о целесообразности оставления Нарымского и Кетского острогов, которые атаман возводил, и постройке взамен нового (либо города) «на Роздоре, на Оби, на левой стороне Оби и Кецкого устья» [12, с. 427-429, 431]. В 1640 г., через год после смерти Тугарина, переведенный из Тары в Сургут атаман К.В. Горбунов (выдававший себя за сына сподвижника Ермака) уверял в челобитной, будто свыше 25 лет нес службу за болевшего Федорова. Одно из последних свидетельств о Тугарине, относящееся к 1626 г. [20, с. 383, 406, 408], заставляет признать данное утверждение сомнительным.

О Богдане Сидорове сыне Зубакине (П.Н. Буцинский, называвший этого атамана Чубакиным, указывал на его происхождение из черкасов) сохранились лишь отрывочные сведения. Он в 1601 г. (а не год спустя, как считали некоторые историки) вместе с князем сургутских остяков Кинемой (старшим сыном Бардака) посылался на реку Пур-Юган «с жалованным словом», дабы привести к шерти «кузнецких» самоедов. В 1618 г. во главе полусотни служилых и остяков атамана направили против Кинемы и его брата Суеты, перебивших тридцать русских, включая сургутского десятника И. Кайдалова; эта «посылка» оказалась безуспешной [6, с. 89; 7, с. 21; 13, с. 273, 664; 20, с. 333, и др.]. Б. Зубакин, которому поручали и сопровождать пленных, в середине 1620-х гг. имел оклад в размере 7 рублей, 8 четвертей с полуосминой ржи, четверть круп, четверть толокна и 2 пуда соли (Т. Федоров получал 15 рублей, 13 четвертей с полуосминой ржи, 3 пуда соли, столько же круп и толокна). За 1626 г. сохранилось упоминание о жене атамана Катерине [10, с. 184; 15, с. 120; 20, с. 371, 382, 385; 23, с. 22, 24-26; 24, с. 16, 17].

С 3 октября 1609 г. атаманом у «литвы» и черкас (годом прежде их насчитывалось 28) стал являвшийся ранее стрелецким пятидесятником Терентий Деев [8, с. 120; 20, с. 342; 23, с. 23, и др.]. Он в 1602 г. с несколькими сургутскими казаками сопровождал до Туринского острога князя Нижнего Нарыма Кичея, в 1609 и 1612 гг. побывал в Москве, а в 1611 г. посылался из Сургута в Нарым, а затем (вместе с казаком Ю.Вахромеевым) на Тогурское устье (а не «на Роздор», как предполагалось Т. Федоровым) выяснить целесообразность сооружения там острога взамен Нарымского и Кетского острогов [12, с. 401, 428, 430, 431]. Стало быть, три атамана было в Сургуте не только в 1630-х гг. [11, с. 829-830, 935; 18, с. 93, 99] (ранее, однако, вопреки утверждению Н.И. Никитина [20, с. 148], не всегда, их было двое [6, с. 83; 11, с. 98, 207, 299-300, 366; 17, с. 55; 18, с. 93, 99, и др.]), но и в первые годы XVII в. (Помимо атаманов, «начальными людьми» в сургутском гарнизоне являлись дети боярские, среди которых поименно известны Лука и Семен Кулюпановы, Иван Пущин, переведенный в стрелецкие сотники в Томск [8, с. 120; 20, с. 317, 342, 343, и др.]).

В 1595 г. в Сургут «с атаманом с Митию Гизиным» была послана царская грамота с изложением замысла зимнего похода на Пегую орду [7, с. 19; 20, с. 315]. (Этот поход, как выяснил Е.В. Вершинин, отложили до 1597 г.). Приведенное сообщение – единственное известное нам свидетельство об упомянутом атамане, возможно, сургутском.

По заключению Н.А. Миненко, раз в Енисейском остроге на первых порах служили сургутяне Перфирьевы, то один из них, вскоре прославившийся как землепроходец,

Максим (сыгравший значительную роль в присоединении к России Нижнего и Среднего Приангарья, основании Братского острога, разведке пути на Шилку и Амур), и возглавлял отряд сургутских служилых в походе 1618 г. с целью постройки этого острога у волока с Кети на Енисей [14, с. 85]. Многие исследователи разделяют такой вывод. По словам А. А. Бродникова, есть «единичное упоминание» о «посылке» М. Перфирьева из Сургута «во главе группы служилых людей, направленных для строительства Енисейского острога» [5, с. 216, 217; 8, с. 121; 16, с. 199; 19, с. 117]. В действительности это не показание источника, а, повторим, вывод Н.А. Миненко, исходящий из того, что раз в Енисейском остроге с первых лет его существования служили Перфирьевы, то один из них – Максим – и участвовал в строительстве нового острога в «Сибирской стране». В 1618 г. сводный отряд тобольских, тюменских, пелымских, сургутских, березовских служилых людей и кодских остяков под началом пелымского сына боярского П. Албычева и тобольского стрелецкого сотника Ч. Рукина выстроил Маковский острог, Енисейский же возник в следующем году. М. Перфирьев, насколько известно, нес службу в Енисейском остроге с 1622, если не с 1624 г., причем в чине подьячего; о пребывании там будущего атамана ранее можно говорить лишь в порядке допущения [3, с. 612; 5, с. 216, 217]. С точки зрения А.А. Бродникова, «очень вероятно», что служба М. Перфирьева в Енисейском остроге началась со времени появления в этой крепости первого воеводы Я.И. Хрипунова, т. е. с 1 апреля 1623 г. [4, с. 372, 373, примеч. 21]. Стало быть, иркутский сын боярский И.М. Перфирьев в челобитной 1700 г. напрасно утверждал, будто его отец служил, «как почал быть Енисейский острог по Енисейску в атаманех». В поданной не ранее 1711 г. челобитной уже один из внуков И. М. Перфирьева указывал на участие своего прадеда как атамана в мангазейской экспедиции (самого конца XVI в.) князя М.М. Шаховского и Д.П. Хрипунова [5, с. 213, 215]. К приведенному известию, думается, следует относиться скептически, ведь в документах, которыми мы располагаем, М. Перфирьев упоминается в чине атамана с 1628 г., да и сохранивший данное показание источник отстоит, по замечанию А.А. Бродникова, «от события (экспедиции 1600-1601 гг. служилых людей, в том числе сургутян [12, с. 389], а не только тоболяков и березовцев, как обычно считается [10, с. 111; 12, с. 303, и др.], в бассейн Таза. – Я. С.) более чем на век» [5, с. 215, 217]. Впрочем, порой А.А. Бродников в утвердительной форме писал об участии М. Перфирьева в качестве атамана в походе отряда князя М.М. Шаховского и Д.П. Хрипунова в «Мангазею и Енисею» [3, с. 612; 5, с. 213, 215]. (С лета 1626 г. М. Перфирьев выполнял функции енисейского атамана, будучи подьячим [2, с. 123]).

Итак, за начальный период существования Сургута (конец XVI – первую четверть XVII вв.) атаманами в его гарнизоне являлись Т. Иванов, Т. Федоров, Б. Зубакин, Т. Деев, возможно, Д. Гизин. Они со своими казаками, стрельцами, черкасами и «литвой» выполняли разнообразные военные, фискальные, административные функции, сыграв важную роль в присоединении к России и закреплении за ней Среднего Приобья и сопредельных с ним земель.

Литература

1. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1991. 401 с.
2. Бродников А. А. Борьба за чин атамана в енисейском гарнизоне в 30-е гг. XVII в. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра» : мат-лы регион. науч. конф.: 21 декабря 2008 г.: г. Новосибирск. Новосибирск : б. и., 2009. С. 122-127.
3. Бродников А. А. Перфирьев (Перфирьев) Максим // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. К – Р. С. 612.
4. Бродников А. А. Серебряная экспедиция Я. И. Хрипунова (1627- 1630 гг.) // П Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре / Сост. и отв. ред.

Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев. Новосибирск: РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. С. 367-380.

5. Бродников А. А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте: Сборник научных статей, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири: 1965 – 2000 / Сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 213-227.

6. Буцинский П. Н. Соч.: В 2-х т. / Под ред. С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. 328 с.

7. Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 10-32.

8. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994. 327 с.

9. Зиновьев В. П. Нарым // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. К – Р. С. 433.

10. История Ямала: В 2-х т. / Под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург : Изд-во «Баско», 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация. 323 с.

11. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1855. Т. 2. IX с. + 1398 стлб. + I с.

12. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.

13. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. 2. 796 с.

14. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк / отв. ред. М.М. Громыко. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1975. 308 с.

15. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 – 1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. М. : б. и., 1901. Ч. 4. 287 + I с.

16. Очерки истории Югры. Екатеринбург : Волот, 2000. 407 с.

17. Первое столетие сибирских городов: XVII век. // История Сибири: Первоисточники. Вып. VII. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 190 с.

18. Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут : Таймер, 2011. 223 с.

19. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 1989. 304 с.

20. Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы. М. : Галерея, 2007. 591 с.

21. Солодкин Я. Г. Из Пельма в Сургут (о судьбе станицы атамана Т. Иванова) // Вестник СурГУ. 2015. Вып. 4 (10): Исторические науки и археология. С. 10-13.

22. Солодкин Я. Г. Сургутский атаман Тугарин Федоров: к спорам о некоторых эпизодах военной и административной деятельности // Альманах Казачество. 2017. № 24. С. 7-14.

23. Ульянова А. Е. Структура сургутского казачьего гарнизона и его материальное обеспечение в конце XVI – XVII вв. // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 18-31.

24. Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI – XVII вв.: численность, состав, материальное обеспечение // Актуальные проблемы истории Западной Сибири. Сургут : Изд-во СурГУ, 2006. С. 10-19.

*Ковалева И. В.
Kovaleva I. V.*

**ТРАПЕЗА НЕРЧИНСКОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
(ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XVIII В.**

**NERCHINSK USPENSKY MONASTERY REPAST
(EASTERN TRANSBAIKALIA)
IN THE FIRST HALF TO MIDDLE OF THE 18th CENTURY**

В статье на основе ранее неопубликованных архивных материалов предпринята попытка изучить меню как важную часть повседневной жизни насельников вкладчиков и приписных крестьянского Нерчинского Успенского монастыря в первой половине – середине XVIII в.

The article reviews a study of the menu as an important part of everyday life of the Nerchinsk Uspensky Monastery brethren, donors and pripisnye peasants in the first half to middle of the 18th century. The research is based on the previously unreleased archive materials.

Ключевые слова: Успенский монастырь, восточное Забайкалье, повседневность, монастырское хозяйство.

Keywords: Uspensky Monastery, Eastern Transbaikalia, everyday life, monastic economy.

Продукты питания – неотъемлемая часть повседневной жизни любой эпохи, но, к сожалению, историкам, изучающим жизнь сибирской провинции 200 лет назад, не всегда представляется возможность получить достаточно полные сведения. Причинами тому служат неполнота и разрозненность документальных материалов. На этом фоне особую ценность представляют документы Нерчинского Успенского монастыря, в которых есть интересные упоминания о том, что ели, выращивали и покупали его насельники, монастырские крестьяне и вкладчики

Успенский монастырь, просуществовавший на протяжении практически всего XVIII столетия, был важным хозяйственным центром Забайкалья. Сохранившиеся хозяйственные документы обители, приходо-расходные книги, описи монастырского имущества дают возможность представить, чем питался житель монастыря, как отличалось его праздничное и повседневное меню.

Хранением и распределением монастырских продуктов занимался специальный человек. В 20–30 гг. он назывался ключником жильных амбаров, а после просто житенным. Должность эта требовала большой ответственности, ведь от него во многом зависело, не останутся ли обитатели монастыря голодными. Поэтому житенного избирали на выборах, в которых участвовали монастырские вкладчики. Сохранился документ 1751 г., свидетельствующий об избрании на должность житенного вкладчика Афанасия Трубогнетова [2, л. 116]. В выборах принимали участие вкладчики Михаил Меншиков, Григорий Гладков, Михаил Козлов, Иван Некрасов и Константин Туранов. В своеобразном «протоколе» избрания указаны основные обязанности житенного: он должен был «оного монастыря знать всякие монастырские припасы, то есть амбары хлебные и в них коликое число всякого хлеба и прочее всякое съестное». К нему предъявлялись особые требования, житие он должен был иметь «благочинное, трезвенное и не пьянствовать и во всем отцу строителю с братией быть послушну и во всяком деле какое бы не было без благословения

отца строителя ничего не делать». Житенный вел расходную книгу, в которой указывал, какие продукты кому были отданы или проданы и для каких нужд.

Говоря непосредственно о том, что употребляли в пищу, следует начать с хлеба. В Нерчинском Успенском мужском монастыре выращивали несколько видов зерновых культур. К ним относится рожь, ярица, гречиха, овес и ячмень. Сев происходил в апреле-мае, год от года количество засеянных десятин менялось. Так в 1728 г. было засеяно 77 десятин (1 десятина = 1,092 га.), а в 1750 только 53,5 [1, л. 4 об.]. Самой важной культурой для обители была ярица – ее засаживали больше всего (например, в 1728 г. из 77 десятин ярицей засадили 60 десятин). После жатвы хлеб поступал на мельницу на обмолот. Печенье хлебов осуществлялось в монастырской хлебне и на «бабьем дворе». Для массового потребления хлеб готовили в основном из ярицы. Из пшеничной муки пекли просфоры, пироги и булки для настоятеля.

При монастыре имелся большой скотный двор. Например, в 50-е гг. рогатого скота под присмотром скотника Егора Курбатова было 534 скотины. При Кирочинском поселье у пастуха Федора Подгорбунских в отаре насчитывалось 440 баранов и овец [4, л. 224]. За животными велся особенный уход, составлялись особые описи, где указывалось каждая корова или лошадь, возраст животного и краткое описание его внешних признаков. Жители монастыря употребляли по большей мере два вида мяса – говядину и баранину, упоминания о других в документах практически отсутствуют. Из коровьего молока в монастыре изготавливали масло. Говяжий жир добавлялся в кашу, был необходим для жирников – масляных ламп, а также для изготовления свечей.

Особую роль в монастырском меню играла рыба. Обитель контролировала два крупных рыбных промысла: Шакшинское и Черное поселья. На втором в разные годы монастырские люди ловили до 500 пудов рыбы («возов по 20») [3, л. 237 об.], выловленное шло на внутреннее потребление, а также на продажу. Высокой оценкой монастырского рыбного промысла можно считать заказ на поставку монастырской рыбы к столу его преосвященства Епископа Софрония в Иркутск.

При монастыре круглый год функционировала пивоварня. Пиво варили из солоду, который, в свою очередь получали путем выращивания ярицы или ржи. Из ржаного солоду также получали уксус. Монастырь не скупился на выделение продуктов для пивоварения. Например, в феврале 1759 г. для этого было использовано 6 пудов солода (около 98 кг) [4, л. 1 об.]. Пиво готовили в корчагах (больших глиняных сосудах) или в чане, в зависимости от этого оно называлось корчажным или чановым. В документах упоминаются имена некоторых монастырских пивоваров: Дмитрий Малфеевых, Иван Бянкин, Галактион Шестопапов.

Кроме пива в монастыре также варили квас. Для него вдобавок к обычной муке добавляли так называемую подкрупную муку (мука, высеянная на мельнице из круп). Изредка встречаются упоминания варки киселя из овсяной крупы.

Для своих нужд обитель закупала на нерчинском базаре «горячее» вино (судя по всему, самогон). Оно было необходимо для приема монастырских гостей, отмечания праздников. Без церковного вина не обходился обряд причастия. Вино хранилось в погребе, сохранился отрывок документа за 1759 г. в котором упоминается ограбление монастырского погреба с вином и медом: «вина или меду пили или ели или с собой унесли, а сколько подлинно вина мерой, а меда весом ... унесено неизвестно» [4, л. 273].

На столе жителей обители присутствовали и овощи, что для Забайкалья того периода было достаточно большой редкостью. В документах сохранились отдельные упоминания о монастырском огороде. Семена для него закупались в Нерчинске или в Иркутске. Так, в апреле 1760 г. монастырский служитель Константин Туранов приобрел в Иркутске семена чеснока, свеклы и моркови на 15 копеек [4, л. 120 об.]. На нерчинском базаре в мае того же 1760 г. были куплены семена огородные «а именно рассадного 2 ложки по 2 копейки, репного 3 ложки по 3 копейки» [4, л. 124 об.]. В покупной книге

за 1757 г. упоминается приобретение семян рассадных огуречных, морковных и свекольных [3, л. 48 об.].

Нередко продукты питания выступали в качестве своеобразного посула для должностных лиц. Об этом имеются отдельные упоминания: «говяжьего мяса в город в презент господам» [4, л. 11] или «в презент цурухайтовскому поручику крупы гречишной 20 фунтов» [4, л. 8 об.].

Уезжавшим из обители по различным поручениям, а также монастырским гостям, возвращавшимся домой, выделяли муку на печение так называемых подорожников. Например, «Троицко-Селенгинского монастыря служителю Данилу Осиновскому на подорожники муки пшеничной 20 фунтов». Помимо муки отправлявшимся в путь выделяли масло, крупу и соль.

На рацион жителей монастыря во многом влияли посты и церковные праздники. Так, в расходной книге 1759 г. на протяжении Великого поста не встречаются упоминания об употреблении мяса. Зато в Пасху было выделено 40 пудов говядины и три туши баранины на хлебню, 13 пудов говядины на бабий двор. Кроме этого, отдельно упоминается о том, что «в почесть господам для праздника святой Пасхи» было выделено «мяса баранья шесть туш» [4, л. 3].

Сохранились упоминания о продуктах, использовавшихся для приготовления свадебного застолья. Для свадьбы монастырского конюха Федора Бузунова было выдано 20 фунтов пшеничной муки, пуд яричной, два пуда ржи, один пуд и 10 фунтов, 2 с половиной фунта коровьего масла [4, л. 5].

Особый интерес представляет меню монастыря во время посещения обители высокими гостями. В 1760 г. уже упоминавшийся выше Константин Туранов закупал в Иркутске продукты, предназначенные для стола настоятеля и угощения гостей. Он приобрел в Иркутске «у Зайцева приказчика Семена сахару головного 18 фунтов, каждый фунт по 32 копейки с деньгой итого дано денег 5 руб. 85 коп.». Сахар был достаточно дорог и монастырем покупался нечасто. Кроме сахара, Туранов купил 1 фунт круглого перца и 1 фунт имбирю, отдав за них 30 и 40 коп. соответственно. В конце записи имеется приписка о том, что сахар, перец и имбирь были отданы в келью настоятелю для принятия гостей и употребления в пищу [3, л. 120].

Любопытный эпизод связан с посещением монастыря архиепископом Софронием. К его приезду готовились заранее и основательно. В Иркутск был отправлен Петр Выборов, который приобрел полпуда белого сахара, ведро белого вина, фунт перцу, фунт имбиря, 5 фунтов изюму и 5 фунтов чернослива, а также огородный репчатый лук. В документе указывается, что все это было приобретено специально для потчевания его Преосвященства. Чуть позже тот же Выборов купил еще и два с четвертью ведра красного вина, а к ним два винных бочонка.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что монастырский рацион был достаточно разнообразным. В нем присутствовали не только плоды собственного хозяйства, но и приобретенные в Нерчинске. Ради особых случаев обитель закупала редкие в Забайкалье продукты в Иркутске. Как правило, это происходило в предвестие крупных праздников или приезда высоких гостей.

Литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 282 Оп. 1 Д. 4.
2. ГАЗК Ф. 282 Оп. 1 Д. 15.
3. ГАЗК Ф. 282 Оп. 1 Д. 17.
4. ГАЗК Ф. 282 Оп. 1 Д. 27.

УДК 553.411'3/'9(091)(571.54/.55)+622.34(091)(571.54/.55)

Мясников А. В.

Myasnikov A. V.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ КЛИЧКИНСКОГО ПОЛИМЕТАЛЛИЧЕСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ И РУДНИКА

HISTORY OF KLICHKINSKY POLYMETALLIC DEPOSIT AND MINE DISCOVERY

Статья основана на ранее не опубликованных материалах Государственного архива Забайкальского края и посвящена началу освоения Кличкинского полиметаллического месторождения и возникновению на его базе рудника. Предметом исследования является роль местных горных специалистов и служащих в открытии и изучении месторождения.

The article is based on previously unpublished materials of the State archive of the Transbaikal region and is devoted to the development of Klichkinsky polymetallic deposit and creation of the mine. The subject of the research is the role of mining specialists and workers in investigation of the deposit.

Ключевые слова: Кличкинский рудник, Нерчинские рудники и заводы.

Keywords: Klichkinsky mine, Nerchinsk mines and plants.

Кличкинский рудник сыграл заметную роль в истории горнорудной промышленности Сибири. В начале XIX в. селение при руднике было административным центром Кличкинской горной дистанции. В нем находилось горное правление, дом пристава, госпиталь, лаборатория, казармы и магазины [7, с. 95]. В советское время рудник был базовым предприятием Нерчинского полиметаллического комбината, продукция которого – свинцовый и цинковый концентрат – поставлялась на металлургические заводы Советского Союза.

С 1947 г. в Кличке располагалась Нерчинская полиметаллическая экспедиция, переименованная позднее в Кличкинскую геологоразведочную партию. С 1949 г. здесь разместилась администрация Нерчинского свинцово-цинкового управления (с 1975 г. – Нерчинского полиметаллического комбината) [10, с. 131-132]. В период с 1955 по 1993 гг. на руднике было добыто и переработано 7,07 млн. т. руды [2, с. 88]. Наряду со свинцом и цинком добывалось золото (854 кг), серебро (146 т), висмут (180,3 т), кадмий (439,6 т), индий (46 т), галлий (237 т). При руднике работали обогатительная фабрика, мехмастерские, автохозяйство. [6, с. 87-88].

Несмотря на очевидную значимость Кличкинского месторождения, об истории его открытия и начале изучения в литературе имеются только отрывочные сведения. Например, горный инженер Александр Антонович Павлуцкий, сын знаменитого золотоискателя, упомянул, что «Первоначальное открытие руд было сделано на нижние стороны горы в 1759 году, двумя тунгузами и по имени одного из них, заложенный на том месте прииск назван Чулбанчинским» [9, с. 260]. Те же данные привел в своем капитальном труде о полиметаллических месторождениях Восточного Забайкалья академик С.С. Смирнов [11, с. 84]. Авторитетный забайкальский краевед В.Ф. Балабанов утверждал: «Кличкинский серебряно-свинцовый рудник был открыт в 1780 г. поисково-разведочной партией по заявке тунгусов, поданной еще в 1756 г. [1, с. 70]. Таким образом, складывается впечатление, что Кличкинское месторождение было открыто благодаря случайной находке сибирских аборигенов. Однако инструкции, донесения, дневниковые записи первых разведчиков кличкинских недр, хранящиеся в Государственном архиве

Забайкальского края, позволяют значительно уточнить и дополнить эти сведения.

Согласно документам, особая роль в открытии кличкинских руд принадлежит видному знатоку горного дела и администратору Никифору Герасимовичу Клеопину. В 1758 г. он по приказу руководителя Санкт-Петербургской экспедиции о Нерчинских заводах Ивана Андреевича Шлаттера отправился за Байкал управлять Нерчинскими заводами и возглавлять особую комиссию об их «размножении». Ранее, в 1737 г., ему уже доводилось бывать здесь. Тогда он руководил Нерчинским горным промыслом, искал руды. Поэтому Даурские земли знал хорошо. Знал он и проект Шлаттера, предусматривавший поощрение частных рудоискателей, в том числе и местных жителей, инородцев.

Как и Шлаттер, Никифор Герасимович считал необходимым привлекать к поискам местное население. Так, в декабре 1758 г. он пригласил в Нерчинский Завод, где находилась резиденция горной администрации края, двух тунгусов – шуленгу намясинского рода Чулбанчу Ашикова и зайсана долоцкого рода Орбоя Ченохоева. На встрече при помощи толмача Клеопин объяснил гостям, что открывателям новых рудных мест положено денежное вознаграждение.

Тунгусам это понравилось. Уже 30 марта 1759 года Чулбанча и Орбой донесли Нерчинскому горному начальству, что в тарбаганьей норе, на склоне горы Мургуцековского Тутхалтуя, между падами Цаган-Челутаем и Быркой нашли руду. К своему заявлению тунгусы приложили образцы руд, которые были изучены в нерчинско-заводской горной лаборатории. Пробирный ученик Степан Бродовиков выяснил, что в пуде кличкинской руды содержится $20\frac{3}{4}$ фунта свинца и $4\frac{3}{4}$ золотника серебра [5, л. 39].

Получив такое известие, Клеопин приказал канцелярии Нерчинского горного начальства послать на объявленное тунгусами место «благонадежного человека» и двух рабочих-горняков. Им надлежало бить шурфы, чтобы выяснить, действительно ли в недрах Мургуцековского Тутхалтуя есть руда. Если «оная имеется, – указывал Никифор Герасимович, – то и разработать по горному обыкновению для познания довольства той руды» [5, л. 38]. Клеопина также интересовало, есть ли поблизости объявленного рудного прииска леса, возможно ли там построить плавильные печи, текут ли в тех местах реки.

Для выполнения этой миссии канцелярия Нерчинского горного начальства выбрала 23-летнего унтершихмейстера Дмитрия Ковригина. Он происходил из подьяческих детей, поступил на горную службу в 1753 г., неплохо знал геометрию, арифметику, разбирался в горном производстве [4, л. 126]. В его распоряжение поступили два горных служителя – унтерштейгер Василий Быков и рудокопщик Федор Соловецкий.

В апреле, когда еще стояли морозы, они выехали из Нерчинского Завода на казенных лошадях. Добравшись до указанной Чулбанчей горы, рабочие заложили несколько шурфов. Одним из них подсекли жилу «серебряной блейглианцевой с желтой и красной материями вида руды» в пол аршина шириной. В шурфе над тарбаганьей норой, найденной тунгусами руда, по словам Ковригина, находилась «небольшими штуфами или частицами в разборном камне» [5, л. 46]. Работы затрудняли холода и мерзлая почва.

Закончив бить шурфы, Ковригин заключил, что Тутхалтуевская гора «весьма доброе положение имеет, которое без надлежащего разведывания оставить недолжно» [5, л. 46]. Затем он осмотрел окрестности Мургуцековского Тутхалтуя. В девяти верстах от перовой выработки, в верховьях реки Хириры обнаружил полноводный ключ, в одной версте от которого рос лес. Неподалеку имелись выходы горного камня, пригодного для печного строительства. Ковригин считал, что здесь можно построить до четырех плавильных печей. Хороший лес, который можно было использовать для отопления и строительства жилья, устройства рудничных крепей, находился в двенадцати верстах к юго-востоку от прииска, в верховьях речек Чикцекуль, Нарын-Шибер, Цырен-Тасурхай. Там по северным и юго-восточным склонам сопок росли лиственницы, березы и осины. Площадь лесного массива, по приблизительной оценке Ковригина составляла более 120 кв. верст. Он подсчитал, что этих ресурсов хватит на то, чтобы обеспечивать потребности рудника и

небольшого завода с четырьмя печами в течение двадцати лет.

Образцы руд, привезенные Ковригиным в Нерчинский Завод, изучал член канцелярии Нерчинского горного начальства, саксонец Иоган Конрад Ион. Иностранний специалист установил, что содержание серебра в образцах из разных шурфов колеблется от $\frac{1}{4}$ до $4\frac{1}{2}$ золотника в пуде [5, л. 48].

Ознакомившись с донесением Ковригина и результатами анализов руд, канцелярия Нерчинского горного начальства постановила: с наступлением тепла отправить на Тутхалтуевский прииск оберштейгера или штейгера с рабочими и вооруженной охраной, а тунгусам-открывателям выделить из казны 30 рублей.

30 апреля 1759 г. «для подлинного разведывания» рудных мест, объявленных тунгусами, канцелярия командировала штейгера Романа Козмина, двенадцать рудокопщиков и шесть солдат. Роман Козмин был опытным горняком. Еще в 1723 г. он, крестьянский сын, в возрасте 25 лет был взят в рекруты и зачислен на горную службу. За 36 лет службы ему довелось бить шурфы в разных местах края, возить руду, строить шахты, прокладывать штольни, проводить буровые работы [4, л. 99]. Перед отъездом на Тутхалтуевский прииск Козмин получил наказ, в четвертом пункте которого было написано: «из находящихся тамо тунгусов призывать в работу к добыче руд из платы как до сего выдано было при работании объявленных мест новокрещенному Гаврилу Гребневу, тунгусам намясинского роду Алгенчаю Улеканову, Мунчилтую Цамункину, Емельяну Домонову и прочим по восьми копеек за каждый день. И поступать с ними при том ласково, дабы их к горной работе таким образом исподволь приучить» [5, л. 94].

Из Нерчинского Завода команда Козмина выехала 2 мая. 27 мая отряд остановился у речки Талман Борзи, на стойбище шуленги Чулбанчи Ашикова. У тунгусов рудознаты дневали, взяли свежих лошадей, а на следующий день отправились к прииску. 1 июня приступили к работам. В течение лета они углубили шурф Ковригина над тарбаганьей норой, заложили несколько новых выработок. В одном из шурфов обнаружили шлак от плавки руды. Козмин предположил, что тут «знать прежде сего бывала древняя работа» [5, л. 97].

Для более полного исследования месторождения и составления отчета необходимо было создать карту местности, зафиксировать на ней горные выработки, выполнить их чертежи. Это дело Нерчинское горное начальство поручило «школьному подмастерью» Якиму Олонцову. Клеопин был знаком с ним еще по службе в Екатеринбурге. На Урале Олонцов, сын мастерового, начавший службу в 1735 г. плотинным учеником, зарекомендовал себя как хороший специалист, разбирающийся в геометрии и черчении. На Нерчинские заводы он был направлен из Екатеринбурга в 1746 г. В 1747 г., когда Нерчинское горное начальство планировало для защиты заводов устроить крепости, составил план Нерчинского завода и проспект окрестным горам [3, л. 150]. Большую часть времени он проводил в Нерчинской горной школе, преподавал чтение и письмо, за что получал годовое жалованье в 36 руб. [8, с. 49].

Яким Олонцов выехал вслед за отрядом Козмина, имея предписание выбрать место для строительства завода, составить ландкарту. 28 мая он был на стойбище у Чулбанчи, который обещал быть проводником и показать рудные места. 29 мая русский исследователь и тунгусский шуленга вместе поехали к речушке Цаган-Челутаю. На следующий день они дошли до Мургуцековского Тутхалтуя, где их уже ожидал Роман Козмин.

2 мая Олонцов в сопровождении подчиненного Чулбанчи – тунгуса Давачея поднялся на гору Тутхалтуй, осмотрел горные выработки, поехал на юг, к соляной дороге, а затем побывал на реке Урулюнгуе. Через день он отправился в поездку по окрестностям с целью изучения лесов. К востоку от прииска им были обследованы лиственничные и березовые леса, годные на «горное употребление, також де и на квартирное строение» [5, л. 127 об]. Невысокий березняк, росший среди каменных россыпей и на вершинах гор, он счел подходящим для угольного жжения. Но такой лес было сложно доставить на рудник. Единственный путь для его перевозки – по каменистым распадкам до соляной дороги.

Подобные лесные участки были выявлены им по речке Калгагитуй, в 12 верстах от прииска. В 16 верстах к западу от Мургуцековского Тутхалтуя тунгус Давачей показал Олонцову ключ под плоской горой Кокуй между речек Бырка и Манкечур. Недалеко от ключа рос хороший лиственничный лес. В путевом журнале Олонцов записал: «тот ключ имеет течение из двух подземельных жил. И водою не скуден, в зимнее время не вымерзает. И место при том ключе под строение завода удобное» [5, л. 128]. Как и требовало начальство, к описаниям он приложил ландкарту и «прешпект» Мургуцековского Тутхалтуя.

7 июня на прииск, где трудилась команда Романа Козмина, приехал Н.Г. Клеопин, посмотрел, как ведутся работы, расспросил Олонцова о результатах изысканий. Видимо, именитый командир был удовлетворен трудами подчиненных. Олонцову он тут же предписал ехать в деревню Кутомару, взять в ней крестьян-старожилов и с ними около Кадаинского рудника отыскать не перемерзающий зимой ключ, леса, и выбрать место для строительства еще одного завода.

В декабре 1759 г. канцелярия Нерчинского горного начальства подводя итоги полевого сезона, решила, что в будущем следует продолжать разведки на месторождении, открытом Чулбанчей «со товарищи». Интересно, что тогда в разных документах месторождение называли по-разному: Чулбанчинский прииск, Мургуцековский рудник, Цаган-Челутаевский рудник. Постепенно, название ручья Цаган-Челутай трансформировалось в Цаган-Золотуй (именно этот гидроним сейчас зафиксирован на картах). Названия многих гор и падей, записанные рудознатоками, так же изменились или вышли из употребления.

После этого в районе Цаган-Золотуя работы не велись почти двадцать лет. Только в 1780-1781 гг. здесь были проведены дополнительные исследования, открыты новые жилы, началась регулярная добыча руды. Рудник в честь губернатора Франца Клички назвали Кличкинским. Тоже название получило и селение, возникшее при руднике. С 1792 г. рудник и окрестные прииски поставляли руду на Александровский сереброплавильный завод.

Таким образом, на основании приведенных выше документов и фактов можно утверждать, что открытие Кличкинского месторождения было не случайным событием, а результатом целенаправленной работы горной администрации с тунгусами. Никифор Герасимович Клеопин, возглавлявший Нерчинские заводы, не только поощрял их за поиск руд, но и стремился приобщить к горному делу, привлекал на работу в разведывательные партии. Начало исследования месторождения связано с именами Д. Ковригина, И.К. Иона, Я. Олоноцова, Р. Козмина, которые внесли серьезный вклад в развитие горного дела Забайкалья. Их описания, результаты лабораторных проб послужили обоснованием необходимости строительства рудника. Эти работы – важная часть научного наследия горных специалистов Нерчинских заводов.

Литература

1. Балабанов В. В. В дебрях названий. Чита: Экспресс-издательство, 2006. 104 с.
2. Быбин Ф. Ф. Кличкинский рудник // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т.Ш / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 88.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44.
5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 62.
6. Заворотных И. Р. Открытие и создание минерально-сырьевой базы Нерчинского горного округа // 300 лет горно-заводского дела в Забайкалье. Чита : Читинский областной краеведческий музей им. А.К. Кузнецова, 2001. С. 79-92.
7. Злобин М. А. Взгляд на Даурию и в особенности на Нерчинские горные заводы в

1820 году // Сибирский вестник. 1823. Ч. II. С. 1-120.

8. Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII — начало XX в.). Новосибирск : Наука, 2010. 168 с.

9. Павлуцкий А. А. Описание Кличкинского серебро-свинцового рудника в Нерчинском округе // Горный журнал. 1861. №9. С. 259-305.

10. Пряженникова М. В. Из истории создания Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. научн. конф. [в 3 ч.]. Чита : ЗабГУ, 2017. Ч. 2. С. 131-135.

11. Смирнов С. С. Полиметаллические месторождения и металлогения Восточного Забайкалья. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 507 с.

УДК 908(571.12)

*Рудницкий Ю. А.
Rudnitskiy Yu. A.*

**ВНЕШНИЙ ОБЛИК ТОМСКА В ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ
ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ТОМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»)**

**TOMSK TOWNSCAPE DURING STAY OF TSESAREVICH NOKOLAI
(THE TOMSKIE EPARKHIALNIE VEDOMOSTI NEWSPAPER MATERIALS)**

Статья посвящена описанию внешнего облика Томска в период пребывания в нем цесаревича Николая. Используя газетные статьи, автор приходит к выводу, что томичи с большой ответственностью отнеслись к визиту цесаревича и с энтузиазмом приводили город в надлежащий вид, тем самым показывая свое верноподданническое отношение к действующей власти.

The article is devoted to the description of Tomsk townscape during the stay of the Tsesarevich Nikolai. Using newspaper articles, the author comes to the conclusion that the residents reacted to the visit of the Tsesarevich with great responsibility and enthusiastically took care of the city, thus showing loyal attitude to the authorities in power.

Ключевые слова: Томск, цесаревич Николай, Томские епархиальные ведомости.
Keywords: Tomsk, Tsesarevich Nikolai, Tomskie eparkhialnie vedomosti.

Для изучения истории города Томска немаловажное значение имеет выявление событий локальной истории, связанной с описанием состояния городских улиц и площадей, устройства городских праздников или таких экстраординарных событий, как приезд в Томск цесаревича Николая в 1891 г.

Восточное путешествие цесаревича Николая не раз становилось объектом исследования в связи с различными юбилейными датами как самого турне, так и истории царствовавшего дома, биографии последнего российского императора. Поэтому в год 126-летия со дня пребывания цесаревича в Томске хотелось бы рассказать не о самом визите, а о том, как выглядел Томск в период пребывания в нем цесаревича и как его облик описывается в газете «Томские епархиальные ведомости».

Но для того, чтобы рассматривать этот аспект, необходимо сначала выяснить то, что вообще из себя представляло данное издание.

Говоря о «Епархиальных ведомостях», нужно отметить, что в настоящее время газета относится к числу малоизученных периодических изданий конца XIX – начала XX в. Но достоверно известно, что «Томские епархиальные ведомости» являлись местным официальным церковным изданием, выходившим ежемесячно 1 и 15 числа с лета 1880 г. по конец 1917 г. Издание имело программу, в основе которой лежал проект священника Антонина Мисюрева. Цена с 1880 г. до 1898 г. составляла 5 р. серебром в год с пересылкой и доставкой на дом, с 1898 г. – 6 р. Первым редактором газеты стал исполняющий дела ректора семинарии А. Варфоломей. Главным редактором с 1881 г. был назначен статский советник, кандидат богословия, старший преподаватель Томской семинарии М.И. Соловьев, проработавший в этой должности до 1904 г. С января 1904 г. по июль 1906 г. редактором был ректор семинарии протоиерей И. Панормов. В течение последних десяти лет (с 1 июля 1906 г. по 1918 г.) выпуски редактировал протоиерей С. Путодиев.

«Епархиальные ведомости» состояли из двух частей: официальной и неофициальной. В официальной части печатались манифесты, указы, повеления и

рескрипты императоров, распоряжения Сената, Кабинета министров и других государственных учреждений, Синода, а также распоряжения епархиального начальства. Неофициальная часть содержала проповеди, речи, поучения, статьи по богословию, церковной истории, педагогике, миссионерству и т. п. Печатались также обзоры духовной и светской литературы, рассказы и стихи, медицинские и другие практические сведения. С 1898 г. по 1904 г. выделялся третий раздел – миссионерский. В 1904–1906 гг. публиковалось приложение – «Современные известия», касающееся русско-японской войны и послевоенного мира [1, с. 2-3].

В октябре 1890 г. цесаревич Николай начал свое знаменитое кругосветное путешествие. За время поездки по миру он посетил Грецию, Австро-Венгрию, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Сиам, Китай и Японию [2, с. 4]. А на обратном пути, возвращаясь в Санкт-Петербург, наследник российского престола проехал по Сибири и побывал во многих сибирских городах, в том числе 5–6 июля 1891 г. он совершил остановку в Томске. Надо сказать, что его приезд вызвал огромный резонанс в городской среде, о чем свидетельствуют газетные статьи, посвященные этому событию. Так, например, первая статья, в которой содержится информация о посещении Николаем Томска, появилась в 14 номере газеты от 15 июля под названием «Торжество по случаю посещения 5 и 6 июля 1891 года г. Томска Его Императорским Высочеством, Благоверным Государем, Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем». В статье говорится о том, что «Все жители задолго до приезда Высокого Гостя стали приводить в праздничный вид свои дома, украшая их зеленью, флагами, транспарантами, иллюминацией» [3, с. 4]. Затем в статье давалось подробное описание внешнего облика центральной части города, по которой должен был проехать кортеж цесаревича: «Дорога была убрана по-праздничному. На Белоозерье были устроены триумфальные ворота, которые были украшены флагами, гербами и вензелем его Императорского высочества; вверху средней проездной арки, на прибитой к овалу ленте, были написаны слова – «Благословен грядый во имя Господне!» [3, с. 5].

Также давалось описание улицы, идущей к Воскресенской церкви, и домов купцов Кухтериных и Гадалова, которые располагались на ней: «Эта улица была убрана зеленью, флагами и вензелями; по изяществу и массиву украшений выделялись из других дома братьев Кухтериных и Гадалова...» [3, с. 5]. После описания района Белого озера и Воскресенской церкви автор статьи говорит о внешнем облике Базарной площади и находящейся на ней Иверской часовни, к которой на средства Томского мещанского общества была пристроена крытая галерея, украшенная драпировкой и зеленью.

Говоря о внешнем виде ул. Почтамтской, автор статьи отмечает: «Большая или Почтамтская улица до дворца и университета была положительно неузнаваема: каждый из домохозяев по этой улице по мере умения, вкуса и средств сделал все, что можно было сделать по части украшения; вензеля Их Императорских Величеств и Его Императорского Высочества виднелись чуть ли не на каждом доме этой улицы: в одних местах они были нарисованы красками, в других вышиты по различным фонам, и все это тонуло в зелени и флагах, и в общем, картина убранства главной улицы получилась прекрасная» [3, с. 6]. Кроме внешнего облика улиц, особое внимание уделялось так называемому дворцу – дому, в котором должен был остановиться цесаревич. Как пишется в статье, этот дом предназначается для начальника губернии, но по первому своему обитателю получил название дворца. Он состоял из 40 комнат, был водопровод, освещение и отопление, а во дворе был разбит небольшой сад.

Также нужно сказать, что после неудавшегося покушения на Николая в Японии жители города позаботились не только об украшении города, но и об организации охраны, которая состояла из местного батальона и простых горожан, изъявивших желание помочь полиции в поддержании порядка во время визита цесаревича.

Далее статья сообщает о приезде Николая в Томск и его знакомстве с городом, городской администрацией и интеллигенцией, а также о посещении им общественного собрания, Иоанно-Предтеченского женского монастыря, которые были отремонтированы и приведены в порядок специально к визиту цесаревича.

В следующем – 15 выпуске газеты от 1 августа было напечатано продолжение статьи, помещенной в предыдущем номере. Касательно внешнего облика города в статье особо было отмечено то, что в период пребывания высокого гостя Томск даже в ночное время поражал своей красотой и, как отмечает сам автор: «Был еще роскошнее и приветливее чем днем» [4, с. 19]. Такой вид города был связан с тем, что Томск в ночное время был украшен иллюминацией, представляющей собой плашки и свечи, находящиеся в окнах, а также фонарики, которые висели на стенах домов.

Затем статья будет рассказывать о посещении цесаревичем Томского университета, который был пышно украшен к его визиту, а также о торжественных проводах Николая из города.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сказать о том, что посещение цесаревичем Томска хоть и носило в большей степени символический характер, но тем не менее демонстрировало единство народа и власти, а также заинтересованность власти в государственной окраине и ее жителях. Проведенная подготовка города к визиту цесаревича также оказала положительное влияние на город и горожан, так как в городе появились такие новые здания и сооружения, как триумфальные ворота и дом губернатора, а также был проведен ремонт и реставрация целого ряда зданий. Говоря о горожанах, следует отметить, что они, занимаясь наведением чистоты и порядка в городе, а также организуя охрану цесаревича, показывали тем самым свое верноподданническое отношение к власти.

Литература

1. А.С. Торжество по случаю посещения 5 и 6 июля 1891 года г. Томска Его Императорским Высочеством, Благоверным Государем, Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем // Томские епархиальные ведомости. 1891. №14. С. 1-13.
2. А.С. Торжество по случаю посещения 5 и 6 июля 1891 года г. Томска Его Императорским Высочеством, Благоверным Государем, Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем // Томские епархиальные ведомости. 1891. №15. С. 5-27.
3. Землякова Н. А. Церковь и общество на страницах «Томских епархиальных ведомостей» во второй половине XIX – начале XX в // Современные проблемы науки и образования. 2012. №5. С. 1-9.
4. Паликова Т. В. Путешествие на восток цесаревича Николая // Вестник БГУ. 2013. №7. С. 4-7.

УДК 61(571.122)«19/20»

Татарникова А. И., Федотова Д. Ю.
Tatarnikova A. I., Fedotova D. Yu.

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНЫ В СУРГУТСКОМ УЕЗДЕ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**DEVELOPMENT PROBLEMS OF MEDICINE IN SURGUTSKY UYEZD
OF TOBOLSK GOVERNORATE
IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES**

На рубеже XIX–XX вв. одной из социально значимых для сибирской окраины проблем была проблема развития медицины. Так, в Сургутском уезде Тобольской губернии острый дефицит квалифицированных медицинских кадров, лечебных учреждений, медикаментов способствовал сохранению высокой смертности населения (в основном по причинам экзогенного характера), низкой продолжительности жизни. В статье дается характеристика состояния медицины в уезде, определяются проблемы ее развития.

At the turn of 20th century one of the most socially important problems for the Siberian margin was the development of medicine. Severe deficiencies in qualified healthcare manpower, medical institutions and medical supplies have contributed to the persistence of high mortality (mainly due to exogenous factors) and low life expectancy in the Surgutsky uyezd of the Tobolsk Governorate. The article describes the state of medicine in the uyezd and identifies problems of its development.

Ключевые слова: Сургутский уезд, медицина, врач, население.
Keywords: Surgutsky uyezd, medicine, doctor, population.

В конце XIX – начале XX вв. Сибирь из слабозаселенной окраины страны, традиционно воспринимавшейся как место каторги и ссылки, превращается в регион, достаточно привлекательный для переселяющихся из европейской части России малоземельных крестьян. Увеличение переселенческого потока интенсифицирует социально-экономическое развитие сибирской провинции, одновременно актуализируя значимые для общества проблемы, в числе которых – проблема развития медицины. В уездах южной земледельческой полосы региона, принявших основную массу крестьян-мигрантов, официальная медицина развивалась более быстрыми темпами, нежели в северных промысловых административно-территориальных единицах.

Так, к числу причин кризисного состояния медицины в северных уездах Тобольской губернии – Березовском и Сургутском, можно отнести их удаленность от губернской «столицы», важных торгово-экономических центров, транспортных путей; обширность занимаемой территории; низкую обеспеченность врачебными и фельдшерскими кадрами; недоверие со стороны местного населения, базировавшееся на традиционном укладе жизни, бытовавших поведенческих стереотипах в отношении здоровьесбережения, лечения заболеваний, рождаемости и смертности.

В совокупности вышеперечисленные причины способствовали сохранению высокой смертности населения преимущественно по причинам экзогенного характера (особенно в младенческом возрасте), низкой продолжительности жизни.

В рамках настоящей статьи охарактеризуем состояние медицины в Сургутском уезде, определим зависимость показателей продолжительности жизни местного населения, заболеваемости и смертности от уровня развития медицинской помощи.

В конце XIX – начале XX вв. в состав Сургутского уезда входили Ларьякская, Локосовская, Лумпокольская, Тундринская (русская), Тундринская (инородческая) и Юганская волости [1, с. 46-49]. Согласно переписи населения 1897 г., в уезде проживало 4012 мужчин и 3734 женщины. Это были представители двух национальных групп: русские и остяки. Русских в уезде насчитывалось 1041 мужчина и 1101 женщина, остяков – 2947 мужчин и 2623 женщины. Самой крупной по численности населения была Ларьякская инородческая управа (1521 человек), меньше всего проживало в Юганской управе (772 жителя) [6, с. 34-35].

В рассматриваемый период в уезде существовала одна инородческая больница на 16 кроватей в г. Сургуте (открыта в 1834 г.), которая «по ветхости своего здания», являлась «совершенно негодной» для обслуживания пациентов. На лечение одного больного в сутки расходовалось 90,5 коп., а одно койко-место приходилось на 86,4 горожанина [2, с. 273]. При названной больнице действовала вольная аптека. В остальных селениях Сургутского уезда ни больниц, ни аптек не имелось. Врачебную помощь населению оказывал единственный на весь уезд лекарский помощник, принимавший больных непосредственно в Сургуте. Таким образом, для большинства населения уезда, проживающего на значительном расстоянии от уездного центра, медицинская помощь была недоступна.

Неудивительно, что при таком состоянии врачебного дела показатели продолжительности жизни, заболеваемости и смертности населения оставались высокими. Так, по данным окружного врача В.Е. Клячкина, в 1893 г. в г. Сургуте средняя продолжительность жизни для мужчин составляла всего 19,1 г., для женщин – 21,9 г. [5, с. 70]. При этом сохранялась высокая смертность, особенно среди младенцев и детей. К примеру, в 1877 г. только в Сургуте от кори умерло 62 ребенка в возрасте до пяти лет, в 1882 г. скончалось 55 детей от оспы в возрасте до десяти лет, в 1883 г. от оспы прервалась жизнь уже 67 детей того же возраста. В 1876 г. в юртах, расположенных по реке Вах, от оспы умерло 300 человек [3, с. 141].

Ситуация с острым дефицитом медицинских кадров в уезде не менялась вплоть до 1909–1910 гг. Лишь к 1910 г. в сургутской больнице появились два врача, фельдшер и акушерка, а в уезде – шесть медицинских работников, в т.ч. три фельдшера [2, с. 273]. Учитывая, что площадь рассматриваемой административно-территориальной единицы составляла 220 452 кв. версты, где проживало 9792 человека, на одного фельдшера в среднем приходилось 2448 чел., а район заведывания для каждого фельдшера составлял примерно 55 113 кв. верст. Вышеприведенные данные позволяют сделать вывод: медицинская помощь по-прежнему оставалась малодоступной для подавляющей массы населения Сургутского уезда.

Неудовлетворительное состояние медицинского дела, отсутствие возможности обращения за квалифицированной помощью к специалистам в совокупности с суровым северным климатом, однообразным скудным питанием, антисанитарным состоянием жилищ оказывали пагубное влияние на здоровье населения, определяли характер болезней. Наибольшее распространение среди жителей севера получили ревматизм, цинга (скорбут), горячки разного происхождения, а также глистные заболевания, возникавшие вследствие повсеместно существующей практики сыроедения. Местное население нередко страдало от оспы, трахомы, брюшного тифа, дизентерии и других болезней. Но наибольшее распространение в Сургутском уезде получил сифилис. К 1914 г. на 100 жителей уезда приходилось 3 случая названного заболевания. Кроме того, уезд занимал 2-е место среди административно-территориальных единиц Тобольской губернии по заболеваемости чесоткой (14,1 больных на 100 жителей) [4, с. 31].

Среди аборигенного населения процент заболеваемости и смертности был выше, чем у русских жителей уезда. Сказывались неудовлетворительная санитарно-гигиеническая обстановка, отсутствие элементарных навыков личной гигиены, тяжелые условия жизни «инородцев». В большинстве случаев коренные жители севера искали

помощи от одолевавших их бесчисленных недугов не у врачей, а у местных шаманов, знахарей, применявших различные заклинания, травы, минералы и другие средства, нередко ухудшающие и без того тяжелое состояние больного.

Спорадические визиты представителей официальной медицины в селения коренных жителей северной территории не оказывали серьезного положительного влияния на улучшение здоровья населения. В основном прибывающие в остяцкие юрты врачи осматривали больных для составления требуемой вышестоящим начальством отчетности. Безусловно, медики давали лекарства и врачебные советы местным жителям, но, в условиях отсутствия санитарно-гигиенического просвещения, систематического медицинского наблюдения за здоровьем населения, эти меры были неэффективны.

Важно отметить, что в деятельности медицинского персонала по оказанию помощи сельскому населению уезда возникало немало проблем, связанных с настороженным отношением крестьян и «инородцев» к официальной медицине. Сказывалась неготовность общества к пользованию услугами специалистов по врачебному делу, в основе которой лежали бытовавшие мировоззренческие и поведенческие установки, характерные для представителей традиционной культуры. Многовековой опыт обращения к знахарям и шаманам сказывался на взаимоотношениях населения и медицинских работников отрицательно. В архивных источниках сохранилось немало сведений о намеренном сокрытии больных от врачебного осмотра, игнорировании врачебных назначений и рекомендаций. Отношение к официальной медицине изменилось только после окончательного установления в уезде советской власти, предпринявшей энергичные меры по развитию системы здравоохранения, снижению заболеваемости и смертности путем устройства новых и модернизации старых больниц, подготовки необходимого числа квалифицированных медицинских кадров для нужд городского и сельского населения, организации бесперебойного снабжения медикаментами.

Таким образом, состояние медицины в Сургутском уезде в конце XIX – начале XX вв. можно охарактеризовать как неудовлетворительное. Отсутствие развитой больничной и аптечной сети, дефицит квалифицированных специалистов, низкая плотность населения, неразвитость путей сообщения, значительная удаленность большинства населенных пунктов от уездного центра делали медицинскую помощь для большинства жителей недоступной. Традиционные мировоззренческие установки и поведенческие стереотипы, базировавшиеся на консерватизме, присущем обществу рассматриваемого периода, мешали проявлению частной инициативы в деле распространения медицинского просвещения, формировали негативное отношение к врачам и фельдшерам. Слабые связи с более развитыми в медицинском отношении уездами Тобольской губернии, располагавшимися в южной ее части, непривлекательность Сургутского края для переселенцев надолго затормозили модернизационные процессы, в том числе в сфере медицины.

Литература

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.) / под ред. В. П. Петровой. Тюмень : ТюменНИИГипрогаз, 2003. 304 с.
2. Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994. 336 с.
3. Митрофанов В. В. Очерки по истории Тобольска, Березова и Сургута в XIX в. Екатеринбург : ЮУрГУ, Фил. в г. Нижневартовске, 2016. 238 с.
4. Обзор Тобольской губернии за 1914 год. Тобольск : Тип. Губ. правл., 1916. 42 с.
5. Санитарный очерк города Сургута Тобольской губернии (по статистическим данным) / сост. В. Е. Клячкин. Томск : Типо-лит. П. И. Макушина, 1893. 71 с.
6. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) : сб. документов. Тюмень : Госархив, 1994. 320 с.

*Цысь О. П.
Tsys O. P.*

**РЕШЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ ВОПРОСОВ ЕПАРХИАЛЬНЫМИ СЪЕЗДАМИ
ДУХОВЕНСТВА ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ (1870-1916 гг.)**

**SOLVING FINANCIAL PROBLEMS BY EPARCHIAL GATHERINGS
OF CLERGY OF THE TOBOLSK EPARCHY (1870-1916)**

В статье на материалах Tobolsk епархии анализируются условия организации и круг вопросов епархиальных съездов духовенства, как коллегиальных совещательных органов управления, существовавших в Русской Православной церкви во 2-й половине XIX – начале XX вв. Отмечаются изменения, пусть и очень медленные, в отношении духовенства к епархиальным съездам как форумам, на которых можно было решать общесословные проблемы.

The article analyzes the conditions of organization and the range of issues of eparchial gatherings of the clergy, as collegiate advisory bodies that existed in the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries. The study was conducted on the materials of the Tobolsk eparchy. The clergy gradually began to change their attitude towards eparchial gatherings as forums where it was possible to solve common problems.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Сибирь в XIX – начале XX вв., Tobolsk епархия, съезды духовенства, устав.

Keywords: the Russian Orthodox Church, Siberia of the 19th and early 20th centuries, Tobolsk eparchy, gatherings of the clergy, regulations.

С 60-х годов XIX в. у духовного сословия появляются новые элементы общественной жизни, представленные различными комитетами, обществами, попечительствами, советами, братствами, которые давали возможность высказывать предложения, а иногда и критические замечания, контролировать отдельные аспекты жизнедеятельности епархии. Служители церкви получают право обмениваться мнениями по вопросам содержания духовных школ, распределения взносов с церковью, обсуждать проблемы, выдвигаемые приходской жизнью, сословными интересами.

В 1870 г. в Tobolsk состоялся первый обще-епархиальный съезд духовенства. Поводом к его организации послужило введение с 14 мая 1867 г. новых уставов духовных училищ и семинарий [21; 16, с. 512]. Соответствующие пункты уставов предусматривали решение с участием священно- и церковнослужителей вопросов организации, финансирования и управления духовными учебными заведениями, включая выборы преподавателей и учебного начальства [22, с. 201-208; 16, с. 512].

Материалы съездов Tobolsk епархии свидетельствуют, что количество решаемых вопросов, и, соответственно, продолжительность съездов, постепенно увеличивались. Основными заботами епархиального духовенства становились дела духовной семинарии, епархиального попечительства о бедных духовного звания, Курганского духовного училища, кассы взаимной помощи духовенства, епархиального свечного завода, епархиального училищного совета, «предложения Его Преосвященства» [15; 23]. В центре внимания депутатов находились вопросы «изыскания средств» на многочисленные епархиальные нужды.

В частности, постоянный рост сети церковно-приходских школ требовал все новых источников финансирования, в связи с чем регулярно принимались постановления о

выделении 1% от «остаточных кружечно-кошельковых сумм» (т. е. из чистой прибыли церковного хозяйства за тот или иной год) на их содержание на каждые последующие три года [9, с. 177]. Для этой цели с согласия епархиального съезда был учрежден «неприкосновенный капитал», проценты с которого должны были идти на нужды школ. С 1889 г. по распоряжению преосвященного Авраамия и согласно постановлению епархиального съезда духовенства 1% сбор расходовался на жалование учителям, епархиальному наблюдателю ЦПШ, на содержание второго класса образцовой школы при духовной семинарии, на устройство краткосрочных педагогических курсов [14, с. 467].

Журнальным постановлением 1893 г. депутаты съезда просили ТДК предписать благочинным взыскать с «неисправных во взносах священников» плату за содержание воспитанников в епархиальном общежитии семинарии путем удержания у них части жалования за первую половину 1894 года [5, л. 1а-2]. Епархиальное общежитие при семинарии открыто в 1887 г. Содержание в епархиальном общежитии одного воспитанника составляло 60 руб. в год и включало прислугу, отопление, освещение, ремонт, стирку белья, предоставление постельных и столовых приборов и проч. Согласно п. 155 Устава семинарий, невозмещение расходов за содержание воспитанника грозило выселением из общежития, что было равносильно увольнению из учебного заведения [5, л. 14]. Выступая по этому вопросу перед делегатами съезда, епископ Агафангел (Преображенский) обращал внимание на то, что «взнос денег всегда зависит не от самих воспитанников, которым и взять денег и уплату за содержание не откуда, кроме как от родителей. Но в свою очередь и эти последние часто лишены возможности внести что-нибудь за содержание детей, за неимением средств или в следствии, большею частью многосемейности своей, или бедности прихожан, разоренных в последние годы неурожаями» [5, л. 14об]. Об этом могут свидетельствовать часто возникавшие в семинарском правлении дела по поводу неплатежа денег несостоятельными родителями [10, с. 10]. Решением съезда, по настоятельной просьбе епархиального архиерея, стало введение нового налога на приходы в размере 1% от остаточных за год церковных сумм на «погашение долга по устройству общежития при Тобольской духовной семинарии и содержание пансионерных воспитанников» [5, л. 15-15 об]. Депутаты постановили: «своекоштные воспитанники семинарии от платы за свое содержание в епархиальном общежитии освобождаются с 1 января 1894 г., а оо. благочинные должны высылать в правление семинарии вместо прежнего $\frac{1}{2}$ % с остаточных сумм церковью по 1% на содержание общежития» [10, с. 10-11].

На этой же сессии, как свидетельствуют журналы съезда от 10 и 13 декабря 1893 г., депутаты ввели еще ряд налогов: 1) на учрежденную «каассу взаимной помощи духовенства Тобольской епархии» ежегодно перечислять из остаточных церковных сумм $\frac{1}{2}$ % и на тот же предмет обязательно взимать через вычет из декабрьского жалования с каждого священника 10 руб., дьякона 5 руб. и псаломщика 3 руб., а «где нет жалования, брать то же количество суммы из доходов» [5, л. 65]; 2) вносить ежегодные отчисления на питание «пансионерных» воспитанников семинарии – $\frac{1}{2}$ % и на содержание при Тобольском епархиальном женском училище «бесприютных сирот – девочек духовного происхождения» – $\frac{1}{8}$ % с остаточных церковных сумм; 3) для образования фонда на открытие епархиального свечного завода отчислять в течение трех лет по 2% со всей свечной валовой выручки в церквях Тобольской епархии и на тот же предмет 1% со всех остаточных к году наличными и в билетах сумм, не имеющих специального назначения [6, л. 36]. Судя по документам Сургутского благочиния, вычеты и на образование капитала «Кассы взаимной помощи» духовенства Тобольской епархии, и на духовные учебные заведения, и на др. епархиальные нужды производились регулярно [7, л. 406-407]. В частности, в 1894 г. из полученных от причтов денег сургутский благочинный к началу учебного года перечислил в правление семинарии 19 руб. 61 коп. [5, л. 66]. Помимо этого, от Сургутского округа поступило на содержание Тобольского духовного училища

«обязательного сбора» – 28 рублей [6, л. 45-45об], 9% сбора от продажи свечей и восковых огарков – 153 руб. 63 коп. [6, л. 50]. Таким образом, за 1894 г. общий объем выделенных средств превысил 200 руб.

По заключению А.Л. Беглова, анализ системы раскладки сборов показал, что «постепенно поступления этих дополнительных сборов стали превосходить доходы от «25% сбора»» [1, с. 69]. В равной степени это суждение может быть распространено и на Тобольскую епархию.

На съезде 1898 г. рассматривались 30 вопросов, включая такие, как финансовое состояние епархиального свечного завода, учреждение Курганского духовного училища, условия выдачи пособий вдовам и сиротам через попечительство о бедных духовного звания и др. [13]. С 1907 г. по решению съезда участие духовенства в «сиротской кассе» православного духовенства Тобольской епархии (1905–1917 гг.) становится обязательным. Однако это постановление причтами Березовского благочиния не выполнялось, проблему так и не удалось решить в течение всего предвоенного периода. Ни один из трех последовательно сменившихся за 1907–1913 гг. березовских благочинных не отвечал на регулярно направляемые из Тобольска запросы «сиротской кассы» [3, с. 347]. Нужно отметить, что в это время пособие получала лишь семья умершего священника Кушеватской церкви Карпова. Вероятные причины такого отношения к выплатам взносов состояли в очень ограниченных возможностях по получению вспомоществования из данной кассы, скудости доходов северных причтов, инерционности мышления местного духовенства, скептически относившегося к подобного рода новшествам. Определенную роль мог играть и субъективный фактор. О том, что ситуацию не удалось переломить, свидетельствует один из пунктов повестки заседаний епархиального съезда 1916 г.: «О принятии мер к своевременной уплате взносов священно-церковнослужителями Березовского благочиния в виду крайней неисправности и несвоевременности присылки денег в уплату этих взносов со стороны ежегодно меняющихся благочинных, запутывающих делопроизводство [Сиротской] кассы с каждым годом все более и более» [4, с. 187].

Судя по публикациям в епархиальной прессе, священники жаловались на недостаточность казенных субсидий, указывали на бедственное материальное положение. Епархиальные съезды этого периода особое внимание уделяли распределению «добавочного жалованья», выделяемого Св. Синодом. Предварительно внимательно изучались сведения с мест о размере доходов по каждому из приходов епархии. Принимаемые решения не могли не коснуться духовенства Тобольского Севера. Так, на 1911–1913 гг. дополнительные ассигнования получили священник и псаломщик Шеркальской, Чемашевской, Кушеватской церквей Березовского уезда (плюс 22,5 % к получаемому жалованью) [4, с. 53-54]. Три года спустя запросы на увеличение содержания поступили от других причтов Тобольского Севера: Обдорского («ввиду особой дороговизны содержания»), Сухоруковского [20, с. 371], Тундринского и Шеркальского (ввиду незначительности жалованья – 450 руб. в год у священника и 150 руб. в год у псаломщика) [3, с. 341].

Делегаты проявляли инициативу по оказанию помощи конкретным представителям духовного сословия, пострадавшим от пожаров и других чрезвычайных происшествий. Так, в 1916 г. по предложению благочинного В. Марсова съезд постановил внести каждому священно- и церковнослужителю епархии по 20 коп. в пользу псаломщика Сухоруковской церкви Березовского уезда А.П. Корепанова, у которого во время пожара сгорела значительная часть имущества [2, с. 585].

Перед съездами изначально ставились исключительно фискальные задачи. В финансовых вопросах они играли роль своего рода «законодательной власти», предписывающей приходскому духовенству своевременно выделять средства на общесословные нужды. Съезды также являлись связующим звеном между священно- и

церковнослужителями и постоянно действующими органами, занимавшимися финансами: епархиальным попечительством о бедных духовного звания, пенсионной кассой (или «кассой взаимной помощи»), правлением Тобольской духовной семинарии, собственно Тобольской духовной консисторией. Часто встречающиеся в делах благочиний напоминания о необходимости своевременных выплат [8, л. 153, 210, 231, 240, 346, 259] в епархиальный «бюджет» позволяют сделать вывод, что сбор средств с приходов не был легкой задачей. Постановления съезда с резолюциями главы епархии должны были в какой-то степени способствовать решению этого вопроса.

Постепенно на съездах стали затрагиваться темы, связанные с финансами лишь косвенно, перечень вопросов разрастался. Например, в 1916 г. обсуждали реформирование православного прихода, «способы к устройению и оживлению местной приходской жизни», проблему поднятия авторитета духовенства в глазах прихожан, высказывались по проекту устава православного прихода [12]. По сведениям А.П. Санникова, в Забайкальской и Иркутской епархиях в эти годы съезды духовенства выдвигают ряд радикальных идей: освобождение духовенства от «несения полицейско-сыскных обязанностей», прекращение преследования при добровольном сложении сана, упразднение цензуры проповедей, восстановление патриаршества и др. [11, с. 123-124].

Материалы съездов духовенства в Тверской, Томской и Тобольской епархиях рубежа XIX–XX вв. показывают, что священно- и церковнослужителей волновали одни и те же проблемы: финансирование духовных учебных заведений, развитие сети начальных церковных школ, пенсионное обеспечение духовенства и система вспомоществования, деятельность епархиального свечного завода (продажа свечей составляла важнейший источник дохода для приходов) [17; 19; 23]. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, единством сословных интересов духовенства различных регионов страны. Священно- и церковнослужители и в Тверской, и в Тобольской епархии сталкивались со сходным кругом вопросов, которые необходимо было каким-то образом решать. Во-вторых, сказывалась жесткая регламентация повестки дня, выносимой на обсуждение съездов со стороны епархиального архиерея и духовных консисторий, хотя, согласно указу Св. Синода от 20 августа 1870 г. и 23 сентября 1875 г., «духовные консистории не должны вмешиваться в дела съездов духовенства» [18, с. 128]. Лишь после Первой русской революции ситуация понемногу меняется. В-третьих, сама церковная организация, построенная по иерархическому принципу, не способствует тому, чтобы депутаты проявляли излишнюю инициативу и на съездах разворачивались бурные дискуссии вроде тех, которые часто проходили на партийных форумах. Постоянно функционирующие демократические институты, характерные для светских политических систем, с трудом приживаются (да и вряд ли необходимы) в организации, силой которой является опора на традицию.

Тем не менее постепенные изменения, пусть и очень медленные, в отношении духовенства к епархиальным и окружным съездам как форумам, на которых можно было решать общесословные проблемы, все-таки наблюдаются. Это выразилось и в расширении круга вопросов, рассматриваемых на съездах в периодически высказывавшемся мнении о более тщательной подборке кандидатов в делегаты.

Литература

1. Беглов А. Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 56-81.
2. Вниманию о.о. благочинных Тобольской епархии // ТЕВ. 1916. № 46. Отдел офиц. С. 585-586.

3. Вопросы, подлежащие обсуждению и решению очередного общепархиального съезда депутатов духовенства и церковных старост Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости (далее ТЕВ). 1913. № 19. Отдел офиц. С. 328-348.
4. Вопросы, подлежащие обсуждению и решению очередного общепархиального съезда депутатов духовенства и церковных старост Тобольской епархии // ТЕВ. 1916. № 16. Отдел офиц. С. 182-187.
5. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГУТО ГА). Ф. И–156. Оп. 11. Д. 1636.
6. ГУТО ГА. Ф. И–156. Оп. 11. Д. 1646.
7. ГУТО ГА. Ф. И–191. Оп. 1. Д. 20.
8. ГУТО ГА. Ф. И–191. Оп. 1. Д. 25.
9. Грамматин. А., свящ. Обще-епархиальный съезд духовенства Тобольской епархии 1890 // ТЕВ. 1891. № 9-10. Отдел неофиц. С. 175-182.
10. Деятельность преосвященного Агафангела по отношению к духовно-учебным заведениям епархии (1893-1897 г.) Тобольск : Типография епархиального братства, 1897. 21 с.
11. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006. Ч. II. С. 323.
12. К вопросу об оживлении приходской жизни // ТЕВ. 1916. № 33. Отдел неофиц. С. 691-693.
13. От правления Тобольского духовного училища // ТЕВ. 1899. № 4. Отдел офиц. С. 59-74; № 5. Отдел офиц. С. 77-94; № 6. Отдел офиц. С. 99-115.
14. Первая годовщина Тобольского епархиального Братства св. Великом. Дмитрия Солунского // ТЕВ. 1891. № 21–22. Отдел неофиц. С. 463-474.
15. Перечень вопросов, подлежащих обсуждению очередного съезда депутатов духовенства Тобольской епархии, имеющего открыться в городе Тобольске 26 ноября 1904 г. // ТЕВ. 1904. № 21. Отдел офиц. С. 324-338.
16. ПСЗРИ-2. Т. XLII. № 44572.
17. Попова О. Д. Журналы съездов епархиального духовенства как источник истории духовно-учебных заведений // Вестн. ТвГУ. Сер.: История. 2012. Вып. 1. С. 44-53.
18. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т. Барсов. СПб.: в Синодальной типографии, 1885. Т. 1.
19. Смирнова И. Е. Епархиальные съезды как институт демократизации церковной жизни на рубеже XIX–XX веков // Вестн. ТвГУ. 2012. Сер.: История. С. 111-119.
20. Список тех приходов Тобольской епархии, причтам которых назначено или увеличено жалование от казны с 1 января 1913 года // ТЕВ. 1913. № 21. Отд. офиц. С. 369-371.
21. Устав православных духовных семинарий // Пермские епарх. ведомости. 1867. № 11. Отд. офиц. С. 116–127; № 12. Отд. офиц. С. 132-146.
22. Устав и штаты православных духовных семинарий // Тобольские епархиальные ведомости. 1884. № 23-24. Отд. офиц. С. 201-209.
23. Цысь О. П. Организация управления институтами Русской Православной церкви на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв: очерки истории. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. ун-та, 2017. 272 с.

УДК 930.253+271.22(571.12)-772-9

Спичак А. В.
Spichak A. V.

**ИЗ ИСТОРИИ НАГРАЖДЕНИЯ ЛИЦ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА
ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX В.***

**FROM THE HISTORY OF BESTOWMENT ON PERSONS OF RELIGIOUS
DEPARTMENT OF TOBOLSK DIOCESE IN THE EARLY 20th CENTURY**

Исследование посвящено анализу судьбы последней настоятельницы Тобольского Иоанно-Введенского женского монастыря игумении Марии (Дружининой). Раскрывается такой факт из ее жизни, как награждение наперсным крестом из кабинета Его Величества за служение Церкви в 1913 г.

The study focuses on the analysis of the fate of the last abbess of the Ioanno-Vvedensky convent and hegumena Maria (Druzhinina). It reveals such a fact of her life as the pectoral cross bestowment for the service to the Church from the His Majesty's Cabinet in 1913.

Ключевые слова: Тобольская епархия, настоятельница, игуменья, награждение, наперсный крест, Иоанно-Введенский женский монастырь, Мария (Дружинина).

Keywords: Tobolsk diocese, abbess, hegumena, bestowment, pectoral cross, Ioanno-Vvedensky convent, Maria (Druzhinina).

Актуальность темы исследования определяется все более возрастающей ролью Русской Православной Церкви (далее РПЦ) в российском государстве и обществе. Идет процесс возрождения монастырей, которые стали активными субъектами общественных отношений. Почтительное отношение со стороны практически всех категорий населения, исторические заслуги и особый статус в РПЦ определяют то значение, которое монашество играет в развитии Церкви и укреплении православной веры в обществе [7, с. 3].

Исследование проводилось в рамках изучения практики награждения духовных лиц Тобольской епархии различными знаками отличия. В числе обнаруженных материалов о награждении в ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГАТ) присутствует дело о вручении настоятельницы Тобольского Иоанно-Введенского женского монастыря игумении Марии наперсного креста из кабинета Его Величества в 1913 г. Данное дело отличается тем, что награждена была игуменья, а не священники, как в остальных делах. Интерес вызвала и личность самой настоятельницы – игуменьи Марии (Дружининой), а также ее старания для развития монастыря.

В научной литературе имеется немного сведений о награждении настоятельниц наперсным крестом в синодальный период (1700–1917 гг.). Историю награждения наперсным крестом рассмотрел К.Г. Капков [4]. О наперсном кресте с украшениями из кабинета Его Величества, дарованном игуменьям, упоминается в работе Н.С. Каримовой [5].

Монастырь для русского народа был важнейшим и необходимым элементом культурной жизни. Внутренняя организация обителей была направлена на духовное совершенствование не только иноков, но и мирян, видящих в монастырях идеал святости, образец положительного практического жизнеустройства. К началу 90-х гг. XIX в. в Тобольской епархии (без учета территории выделенной в 1895 г. Омской епархии)

---

* Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2018) МК-3701.2018.6.

функционировало четыре мужских монастыря: Тюменский Троицкий, Тобольский Знаменский, Абалакский Знаменский, Кондинский Свято-Троицкий и два женских: Туринский Николаевский, Тобольский Иоанно-Введенский. По данным на 1913 г., настоятель Абалакского монастыря одновременно занимал должность благочинного всех монастырей епархии [12, с. 38].

Иоанно-Введенский монастырь основан в середине XVII в. Располагается под Тобольском, в 10 километрах к югу от города. В 1864 г. монастырь из мужского переименован в женский [2, с. 138]

На официальном сайте Тобольской митрополии присутствует информация о заслугах настоятельниц Иоанно-Введенского женского монастыря, однако отсутствуют сведения об их награждении [3]. Последней настоятельницей монастыря была Мария (в миру Пелагия Дружинина).

Монахиня Мария родилась 4 октября 1854 г. в деревне Усалка Покровской волости Тюменского уезда, происходила она из экономических крестьян. В Иоанно-Введенский женский монастырь вместе со всей семьей она прибыла в феврале 1867 г. Предшественницей Марии была матушка Миропия (ее сестра), которая была представлена царю Николаю Александровичу 10 июля 1891 г. Тобольска, при посещении у епископа Тобольского и Сибирского Иустина [2, 139–140].

Настоятельница Мария стала управлять обителью в 1904 г. после смерти матушки Миропии, в 1906 г. она возведена в сан игумении [3]. Это была активная и деятельная женщина, руководившая не только духовной, но и хозяйственной жизнью подчиненных ей 300 сестер. В монастыре имелось пять храмов, приют и богадельня, а его пахотные угодья насчитывали более 2000 десятин [8].

Как и ее предшественница и сестра игуменья Миропия, Мария заботилась о благосостоянии монастыря. Это подтверждают все источники, посвященные обители и жизни семьи Дружининых. К началу XX в. монастырь стал, можно сказать, процветающим. Один из архиепископов, объезжая Сибирь и побывав в Иоанно-Введенском монастыре, нашёл обитель «во всех образцовой». В монастыре имелось четыре благолепно украшенных храма: св. Иоанна Предтечи, Введенский, храм преп. Серафима Саровского и великолепный пятикупольный Троицкий собор с приделами в честь Почаевской иконы Пресвятой Богородицы и святителя Митрофана Воронежского [3].

Преемственность отношений монастыря с Романовыми при игуменье Марии не только продолжается, но и усиливается. Однако теперь в истории монастыря появляется влиятельный посредник, царский любимец – старец Григорий Распутин. По мнению О.А. Бухаркиной, Григорий Ефимович. Распутин, как считают Е.П. Загваздин и Д.Ю. Федорова, сначала бывал в Иоанно-Введенском монастыре как простой богомолец, а затем как лицо, приближенное к царской семье. В фондах ГКУСО «ГАСО» вышеуказанные ученые обнаружили четыре письма (записки) Г.Е. Распутина игуменье Марии, они не датированы, на одном из конвертов стоит дата – 17 ноября 1911 г. Тон этих писем дружеский, доверительный. Дружинины, как и Распутин, происходили из экономических крестьян. Хотя будущая игуменья Мария и родилась в деревне Усалка, но ее мать уроженка села Покровское, а сама деревня приписана к приходу церкви Покрова Пресвятой Богородицы. В этой церкви села Покровское будущая игуменья и была крещена [2, с. 140]. Монастыри, по мнению А.Г. Семашко, обладали большой притягательной силой для крестьян. Кроме чисто религиозных мотивов, имело значение то, что, приобщаясь к монастырской жизни, крестьянин поднимал свой социальный статус. Также монашество избавляло от голодовок, которые постоянно преследовали крестьянина в мирской жизни [9, с. 153]. Это подтверждает высказывание В.А. Овчинникова о том, что основным источником пополнения женских обителей являлись в XIX – начале XX вв. выходцы из крестьянского сословия [7, с. 24].

За свои заслуги игуменья Мария была награждена наперсным крестом в 1913 г., о чем свидетельствуют материалы дела «О награждении Настоятельницы Тобольского Иоанно-

Введенского женского монастыря Игуменни Марии наперсным крестом из кабинета Его Величества». Начинается дело с указа Тобольской духовной консистории (далее – ТДК), вследствие указа Николая II, настоятельнице игуменни Марии, предписывающего ей представить 165 руб. за пожалование ей наперсного креста. Согласно указу, крест был выслан 12 октября 1913 г. За указом следует рапорт настоятельницы от 18 октября 1913 г. (№ 862) о представлении денег, интересно, что документ написан на обороте указа, видимо, из экономии денег. 23 октября деньги были доставлены ТДК и составлен об этом указ, который игуменья получила на следующий день. Однако через месяц, 22 ноября ТДК потребовала от настоятельницы еще 85 руб. 50 коп., объясняя это тем, что «всего, за наперсный крест следует 247 руб. 50 коп., из них 225 руб. подлежат внесению в Кассу Министерства ИМПЕРАТОРСКОГО Двора и 22 р. 50 коп. – в пользу инвалидов на основании ст. 1198 Собр. Указ. и Распор. Прав. 1912 г.». Документ был прочитан 23 ноября, и уже через 2 дня игуменья отправила деньги. 29 ноября ТДК получила сумму, 30 ноября настоятельница об этом узнала [1, л. 1–4]. Таким образом, за наперсный крест, хоть он и был наградой, приходилось заплатить немалую сумму, кроме того, еще и сделать пожертвование. Насколько тяжело было простой игуменье собрать назначенную сумму, можно только догадываться. К сожалению, в рассматриваемом деле отсутствуют данные о причине награждения (заслугах настоятельницы) и документы ТДК (выписка из журнала заседания и др.), предшествующие награждению. Несмотря на это, дело вносит вклад в изучение награждения женщин духовного звания в Тобольской епархии в синодальный период.

Практика награждений наперсными крестами пришла на Русь из Византии. В XVI и XVII столетиях наперсные кресты жаловались Царями, и ношение их было распространено среди мирян, в том числе и женского пола. Однако из духовенства носить наперсный крест и/или панагию (энколпион) разрешалось только епископам, что специально оговаривалось правилами Собора 1675 г. В 1722 г. Петр I разрешил архимандритам членам Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синода) возлагать на себя наперсный крест. Священнослужитель в сане иеромонаха, вероятно, впервые получил разрешение носить наперсный крест в 1757 г. при назначении его в русскую церковь в Париж. В царствование Елизаветы Петровны впервые был пожалован наперсным крестом «белый» (то есть — женатый) священник. В царствование Екатерины II продолжились награждения придворных священников наперсными крестами, в том числе, на орденских лентах. Наличие поднесенного креста до 1881 г. считалось наградой и записывалось в «послужные списки» духовенства. С начала XIX в. наперсный крест становится наградой и для игумений — настоятельниц монастырей, к концу XIX в. начинают награждаться крестом монахини. Реверс наперсного креста для женщин не имеет надписей [4].

Наперсный крест с украшениями из кабинета Его Величества (кабинетный) – вид высочайших наград. Награждались, в частности, игуменни и казначеи женских монастырей в «ознаменование их трудов по благоустройству обители». Ходатайство исходило от епархиального архиерея и поддерживалось руководством Синода. Высочайше жаловался четырехконечный крест из драгоценных металлов, произвольного рисунка (но с обязательным распятием в центре), украшенный разноцветными эмальями и драгоценными или полудрагоценными камнями и увенчанный изображением императорской короны. Выявлено пять наградных случаев кабинетным крестом с украшениями. В одном из них, в связи с высокотожественным днем рождения государя и за службу по епархиальному ведомству, представлялась «настоятельница Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря игуменья Магдалина» (Досманова). Награда установлена в 1820 г. именным указом императора Александра I. О порядке представления к этой награде и награждения ею: по логике, «кабинетный» крест с украшениями являлся следующей по значимости наградой после золотого «кабинетного» креста, и процедура награждения, вероятно, была такой же [5, с. 55–56].

В связи с нуждами обители в феврале 1914 г. игуменья Мария была принята (вероятно, не без ходатайства Г.Е. Распутина) Императрицей Александрой Феодоровной. Именно матушке Марии (через посредство камердинера Государя Т.И. Чемодурова) были вверены для хранения царские драгоценности. Узнав об этом, чекисты арестовали игуменью Марию вместе с некоторыми сестрами [11]. Они были отправлены в тобольскую тюрьму, и, по некоторым сведениям, там и скончались мученически. Остальных сестер разогнали [3].

Итак, в рамках изучения практики награждения духовных лиц Тобольской епархии различными знаками отличия, было обнаружено вызывающее интерес дело о награждении последней настоятельницы Тобольского Иоанно-Введенского женского монастыря игуменнии Марии (Дружининой) наперсным крестом из кабинета Его Величества за служение Церкви в 1913 г. Ранее исследователи уже освещали биографию Марии (особенно ее общение с Г.Е. Распутиным и царской семьей), однако факт о ее награждении наперсным крестом еще не изучался.

Дела о награждении духовных лиц представляют большое значение для изучения истории РПЦ, так как свидетельствуют о процедуре представления к награде епархиальным начальством и одобрения кандидатов Синодом, о профессиональных успехах священно- и церковнослужителей, об их судьбе.

Литература

1. ГБУТО ГАТ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 145.
2. Загваздин Е. П., Федорова Д. Ю. Иоанно-Введенский женский монастырь в судьбе последних представителей дома Романовых // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. №3. С. 137–147.
3. Иоанно-Введенский женский монастырь. Официальный сайт Тобольской митрополии. URL: http://www.tobolsk-eparhia.ru/p/pages.php?id=t05_3 (дата обращения: 08.10.2017)
4. Капков К. Г. Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М. : Летопись, 2012. С. 120–132. URL: <https://www.numismat.ru/articles.shtml?id=203> (дата обращения: 08.10.2017)
5. Каримова Н. С. Награждения клириков и мирян в Екатеринбургской епархии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 3 (11). 44–56.
6. Крест наградной игуменский наперсный URL: <https://www.farpost.ru/sankt-peterburg/hobby/antiques/antiques/krest-nagradnoj-igumenskij-napersnyj-guslickoe-litje-nachaloxix-veka-35659974.html> (дата обращения: 08.10.2017)
7. Овчинников В. А. монастыри русской православной церкви на юге Западной Сибири (конец XVIII – начало XXI вв.) : автореф. докт. ист. наук. Кемерово, 2011. 44 с.
8. Очерки. Письма Распутина. Международный интернет журнал. URL: <http://newrezume.org/news/2014-07-17-4299> (дата обращения: 25.10.2017)
9. Семашко А. Г. Синодальный XIX век в истории отношений государства и РПЦ // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 150–154.
10. Тютчева А. Ф. Серафим Саровский в царской семье. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996 г. 240 с.
11. Фомин С. Странник одухотворенный. URL: <http://www.nashaeroha.ru/?page=articles&lang=1&id=6444> (дата обращения: 25.10.2017)
12. Цысь О. П. Возникновение новых монастырских общин в тобольской епархии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Нижневартского государственного университета. 2011. № 1. С. 38–46.

УДК 364.65(571.1)

Литягина А. В.
Lityagina A. V.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ НУЖДАЮЩЕМУСЯ НАСЕЛЕНИЮ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ (1861–1917 гг.)

SOCIAL SERVICE TO NECESSITOUS POPULATION IN CITIES OF WESTERN SIBERIA DURING THE MODERNIZATION ERA (1861–1917)

В статье обоснована необходимость всестороннего исследования такого аспекта истории повседневности, как социальная помощь нуждающемуся населению в городах Западной Сибири в 1861–1917 гг. Приводятся факты деятельности государства, городских дум, общественности в этом направлении. Выявляется недостаточное расходование средств на общественное призрение. Показана слабая организация социальной защиты в городах региона в эпоху модернизации. Существовало множество групп населения, которым требовалась помощь. При отсутствии налаженного государственного механизма в этой сфере помогали органы общественного самоуправления, общественные организации, частные лица.

The article proves the necessity of a comprehensive research of such an aspect of the everyday life history as the social service to the necessitous population in the cities of Western Siberia in 1861–1917. The facts of the state, City Dumas and the public activity in this regard are presented. Insufficient expenditure of resources for the public assistance is revealed. It shows a poor organization of social protection in the cities of the region in the era of modernization. There were many social groups who needed help. Although there was no established state mechanism in this sphere, public self-government bodies, non-governmental organizations and private individuals rendered assistance.

Ключевые слова: города Западной Сибири, модернизация, социальная помощь, благотворительность.

Keywords: cities of Western Siberia, modernization, social service, charity.

Период с 1861 по 1917 гг. – эпоха модернизации в России, которая стала вызовом для всех сфер жизни общества. Менялась повседневная жизнь людей. Увеличивалось количество беспризорных, нищих, бездомных людей в связи с индустриализацией страны, ростом городов и фабрично-заводского производства.

Социальная защита нуждающегося населения должна была проходить по ряду направлений: забота о детях, бездомных, больных, нуждающихся; социальная помощь малообеспеченным категориям населения: учащимся, студентам, вдовам с детьми, учителям; социальная помощь попавшим в какие-либо тяжелые экстраординарные обстоятельства людям и т.д. Нужно было выявить в населенных местах такие категории людей и четко организовать их поддержку путем выдачи стипендий, пенсий, пособий, оказания бесплатной медицинской помощи малообеспеченным слоям населения. Необходимо было также строительство и содержание специализированных учреждений, создание центров помощи безработным.

О том, что данный вопрос привлекал внимание и власти, и общества, свидетельствуют обращения к нему чиновников во время приезда высоких персон в города: генерал-губернатора, членов царствующего дома, при праздновании разного рода юбилеев и событий государственной важности. Ответственные государственные деятели, городская общественность вспоминали о тех, кому плохо: о сиротах, больных и нищих

людях. Так, после организованного в 1858 г. в Тобольске бала в честь генерал-губернатора Западной Сибири и поднятого на этом мероприятии вопроса о беспризорных детях был построен детский приют [2, с. 88-89]. Однако официальные власти признавали, что социальная помощь бедным оказывается в недостаточном количестве. Не существовало особого капитала на эти нужды, не хватало богаделен для призрения нищих.

О готовности состоятельных лиц в Сибири пожертвовать на богоугодные дела встречаем хвалебные отзывы в источниках. Так, например, писали о жителях Тюмени: «Благодетельность бедным, жертвования на церкви, монастыри и пользу отечества составляют похвальную черту тюменцев» [1, с. 144].

Из этого же источника узнаем, что тюменские купцы, помимо щедрых пожертвований на нужды образования, выделили из собственных средств 4 тыс. руб. на устройство детского приюта в г. Омске.

Большую роль в организации социальной помощи в регионе, как и в стране в целом, сыграла деятельность Ведомства учреждений Императрицы Марии (ВУИМ). Именно благодаря покровительству богоугодных дел со стороны Государыни Императрицы в городах возникали новые виды заботы о немощных. Так, попечительство о глухонемых, входящее в ВУИМ, в 1899 г. обратилось к томской думе о выделении денежной субсидии на устройство специальных заведений для обучения и призрения глухонемых. Дума постановила назначить этому попечительству ежегодное пособие 300 руб. в год и «ныне же принять меры к привлечению возможно большего числа лиц в члены этого попечительства» [4, л. 1]. Позднее в Томске было открыто общество попечения о глухонемых, которое учредило специализированную школу для таких людей, видимо, единственную в Сибири [10, с. 56].

Приоритетным направлением ВУИМ всегда оставалась помощь детям. Привлекая значительно число местных деятелей и жертвователей, ведомство создавало значительную сеть благотворительных социальных учреждений по всей России. Этой работой занимались и органы городского самоуправления. Так, на заседании томской думы 13-15 июня 1901 г. было принято решение в честь десятилетия со дня посещения Томска Его Императорским Высочеством Николаем Александровичем учредить в городе приют для бездомных и нищих детей. Для изыскания средств была образована специальная комиссия. Со стороны думы решено было учредить в этом приюте четыре стипендии, с внесением этого расхода ежегодно в сметы в числе обязательных расходов. К 1912 г. в Томске в ведомстве ВУИМ состояло пять приютов: Мариинский (с 1844 г., рассчитан на 50 детей), бр. Королевых (с 1874 г., к 1911 призревалося 44 ребенка), Мариинский сиропитательный приют (с 1893 г., в 1911 г. призревалося 123 чел.), приют для бездомных и нищих детей (с 1902 г., в 1911 г. призревалося 31 девочка), Владимирский детский приют (с 1855 г., в 1911 г. призревалося 90 детей) [8, с. 79-81].

В 1872 г. в Тюмени в честь посещения великим князем Владимиром Александровичем города в 1868 г. благодаря пожертвованиям почетного гражданина С.М. Трусова и дочери его, жены отставного полковника Ф.С. Серебряковой учреждено сиропитательное заведение под названием «Владимирское», попечительницей которого стала великая княгиня Мария Павловна. В 1876 г. во Владимирском сиропитательном заведении воспитывалось 48 человек детей (20 мальчиков и 28 девочек). Девочки (10–13 лет) обучались башмачному мастерству, разным рукоделиям. Дети от 6 до 9 лет обучались вязанию чулок и другим навыкам. Мальчики учились сапожному и переплетному мастерству [3, л. 101, 171]. Также, из воспоминаний современника знаем, что в 1875 г. в Тюмени в «большом каменном доме» на Магистратской улице находился Мариинский детский приют. «Здесь воспитывали девочек – сирот до совершеннолетия, затем либо выдавали замуж, либо определяли куда-нибудь на службу» [11, с. 157]. Впрочем, этот же автор описал ужасный случай безнаказанного, видимо, надругательства над сиротой, неприемлемых условий жизни девочки, ее полной незащищенности [11, с. 173-173].

Архивные источники и опубликованные материалы содержат сведения о множестве людей с разными судьбами, из которых значительная часть находились в тяжелейших жизненных условиях. Заботы о таких несчастных зачастую перекладывались на родственников.

Еще в николаевскую эпоху в городах стали возникать Комитеты для разбора и призрения просящих милостыню, кратко называемые также Комитеты о нищих. В задачи Комитетов входили меры профилактического характера, а именно так называемый «разбор нищих». Местной полиции вменялось в обязанность препровождать в Комитет просящих на улице милостыню. В комитете разбирались с бродягами и отправляли их в специальные учреждения. Однако в Сибири эти комитеты не играли какой-либо существенной роли. Бродяг же в регионе было очень много. В газетах постоянно сообщалось о задержании полицией таковых. Например, в «Тобольских губернских ведомостях» за 1890 г. в очень многих номерах газеты имелись сообщения о поиске родственников очередного бродяги. Последние были все разных возрастов и скитались по городам и селам огромной Сибири.

С учреждением органов городского самоуправления с 70-х гг. XIX в. думы теперь должны были заботиться об организованной помощи нуждающимся. Однако даже в конце XIX – начале XX в. далеко не во всех данных по городским бюджетам указывалась отдельная статья «общественное призрение». Именно таким словосочетанием определялась сфера помощи социально незащищенным слоям населения. Финансирование всех вышеуказанных учреждений происходило в рамках статьи «благотворительные и медико-санитарные учреждения». Расходы по данной статье увеличивались весьма медленно.

Все же в более строгих отчетах перед высшим начальством думы подробно указывали бюджетные расходы, в том числе и ассигнования по статье «общественное призрение» [12, с. 235].

Значительное число городов на социальную защиту либо вообще не расходовало никаких муниципальных средств, либо выделяло мизерные суммы почти за весь период. В Омске – крупнейшем городе Сибири, рост ассигнований на эту статью в начале XX века увеличился [9, с. 7-8]. В отчете Омской городской думы отмечалось, что ежегодно ощущается недостаток финансовых средств, и чтобы получить бездефицитную смету, дума вынуждена исключать расходы по социальной сфере. При миллионном бюджете расходы на общественное призрение некоторое значительное место все же имели. Что конкретно финансировалось по этой статье, в отчете городского головы не указывается. Отмечено, что создавалась подготовительная комиссия по разработке вопроса об организации воспитательного заведения для несовершеннолетних, работала исполнительная комиссия по заведыванию городскими богадельнями, производилось санитарное обследование ночлежных домов. В конце отчета среди прочих задач на будущее ставятся цели учреждения в городе попечительства о бедных, биржи труда, строительства зданий для ночлежного дома и богадельни [9, с. 3, 35, 45]. В других городах и в крае в целом дело общественного призрения решалось не лучше. Более заметный удельный вес расходов по данной статье наблюдался в Барнауле в 1913 г. – 4% и в Мариинске в 1910 г. – 5,4%. В Мариинске в 1910 г. были все распространяемые в то время формы социальной помощи: 2 богадельни, приют, дом трудолюбия и ночлежный дом [12, с. 235].

Посильную помощь нуждающимся оказывали сословные организации. Например, Бийское мещанское общество постоянно оказывало социальную помощь своим членам. В 1902 г. на выдачу пособий безработным неимущим и вдовам с сиротами было выделено двести рублей [7, с. 95].

Одновременно в городах ставился вопрос об открытии так называемых домов трудолюбия, своего рода социальных центров помощи для безработных. В думе Томска, например, вопрос о создании такого учреждения был поднят в 1901 г., в связи с

исполнением сорокалетия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости. Городской голова А.П. Карнаков на заседании думы выступил с предложением в честь этой даты «устроить дом, в котором могли бы собираться все лица, ищущие поденной работы, вместо того, чтобы им стоять под открытым небом на мосту через р. Ушайку, как это делается теперь и переносить на себя все невзгоды от перемен погоды» [5, л. 57]. Выяснилось, что томское общество физическому развитию изъявило готовность взять на себя организацию чайной и читальни «для этих чернорабочих», и что между жителями города находятся такие лица, которые изъявляют готовность помочь этому делу... пожертвованиями...», чтобы кроме чайной и читальни в таком доме было устроено помещение для бюро для приискания мест для прислуги и для бесплатной юридической помощи» [5, л. 57 об., 58]. В итоге дума постановила на постройку дома для ожидающих работы в дополнение к уже ассигнованным 1 тыс. руб. добавить из средств города еще 2 тыс. руб. и открыть при городской управе подписку для пожертвований на эту цель. Была создана специальная комиссия при думе для выбора места под постройку и выработки плана этого дома со сметами необходимых расходов [5, л. 58-58 об.].

В 1910 г. дума Томска поставила задачу организованной борьбы с нищенством населения. Было решено открыть городские участковые попечительства (по примеру Москвы), относящиеся к призрению бедных и к борьбе с нищенством, учредить городскую исполнительную комиссию по благотворительности. В этом же году дума открыла подписку для сбора пожертвований для создания городского Дома Трудолюбия в купленном самоуправлением доме на углу ул. Водяной и Войновского переулка [6, л. 684-684 об.].

В других городах организацией попечительств о бедных занялись еще позже. О их деятельности мало что известно.

Организация социальной помощи нуждающемуся населению в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. находилась в зачаточном состоянии. При всей, казалось бы, ясности данной ситуации возникает вопрос: как же спасалась часть «безмолвного, безымянного, незамечательного» населения, у которого не хватало или вообще не было еды, теплой одежды, отсутствовали средства на лекарства и т.п.? И как к этому относилась другая часть населения, у которой это все имелось? Сочувствовало и/или бессильно опускало руки? Привыкло? Или в условиях отсутствия государственной помощи и призрения частные лица, состоятельные горожане или более благополучная родня сразу и легко, или не сразу и нелегко, но оказывали необходимую помощь нищим и беспризорным? Вопрос очень важный в истории, выводящий к осмыслению причин всех революций в стране.

Материалы архивов, воспоминания современников свидетельствуют о существовании проблемы нехватки средств для помощи различным группам людей, оказавшимся в тяжелейших жизненных условиях. Выявляются факты безнадежного страдания социально незащищенных людей. В крупных городах в начале XX в. ставились задачи в будущем улучшить социальную защиту населения, охватить помощью большее число нуждавшихся в этом детей, стариков, бездомных, больных и нищих жителей региона.

Литература

1. Абрамов Н. Город Тюмень // Вестник Императорского русского географического общества. Часть 23. отдел II. СПб., 1858. С. 127-150.
2. Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики / В. А. Арцимович. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1904. 823 с.
3. Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 6. Д. 10069.
4. Государственный архив Томской области. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2929.

5. Государственный архив Томской области Ф. 127. Оп. 1. Д. 2936.
6. Государственный архив Томской области Ф. 127. Оп. 1. Д. 2959.
7. Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. / Ю. М. Гончаров В. С. Чутчев. Барнаул : Аз Бука, 2004. 206 с.
8. Дагаев Ин. Общественное призрение // Город Томск. Томск : Издание Сибирского Т-ва Печатного Дела в Томске, 1912. С. 78-89.
9. Деятельность Омской городской думы, избранной на четырехлетие с 1910–1914 г. Доклад Омского городского головы В. А. Морозова, прочитанный собранию гласных думы в заседании 18 апреля 1914 г. Омск, 1914. 45 с.
10. Карпова Н. Низшее образование // Город Томск, Томск: Издание Сибирского Т-ва Печатного Дела в Томске, 1912. С. 45-59.
11. Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск : Сова, 2006. 388 с.
12. Литягина А. В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начала XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. 331 с.

Гавриленко М. В.
Gavrilenko M. V.

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПИТАНИИ РУССКИХ
ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И САЯНО-АЛТАЯ В 1920-30 ГГ.**

**FOOD TRADITIONS AND INNOVATIONS OF THE RUSSIANS
OF UPPER OB REGION AND SAYANO-ALTAI IN THE 1920s AND '30s**

В данной статье рассматриваются традиции и инновации в питании русских Верхнего Приобья и Саяно-Алтая. Большое внимание уделяется составу повседневной и обрядовой пищи, развитию сельского хозяйства.

The article describes food traditions and innovations of the Russians of the Upper Ob region and the Sayano-Altai. The great attention is paid to the composition of the everyday and ritual food and to the development of the agriculture.

Ключевые слова: традиции, инновации, повседневная пища, обрядовая пища, сельское хозяйство, русские, Верхнее Приобье, Саяно-Алтай.

Keywords: traditions, innovations, everyday food, ritual food, agriculture, the Russians, Upper Ob region, Sayano-Altai.

В начале 1920-х гг. сельское хозяйство в Сибири, как и во всей стране, переживало тяжелый кризис и упадок, отразившиеся в падении производительных сил. Н.Я. Гушин в работе «Сибирская деревня на пути к социализму» говорит об упадке сельского хозяйства в Сибири в 1920-е гг. и приводит сравнительные данные о сокращении посевных площадей и поголовья скота за этот период: «В Сибири кризис разразился несколько позднее, чем в центре страны – лишь в 1921 г. (1920 г. характеризовался сравнительно высоким уровнем производства), однако он затянулся до 1923 г., причем падение производства было большим, чем по стране. Если по стране посевная площадь в 1922 г. (низшая точка падения) по сравнению с 1913 г. сократилась на 23%, то по Сибири – на 31,5 %, а валовые сборы зерновых сократились более чем в 2 раза (по сравнению с 1917 г. в 2,5 раза)». Тяжелый кризис переживало сибирское животноводство. В 1922 г. общее поголовье и поголовье крупного рогатого скота по отношению к уровню 1916 г. упало на 37–38%, а поголовье свиней на 58%. По стране же общее поголовье скота за это время снизилось на 25%, а поголовье крупного рогатого скота – на 27%» [1, с. 57].

Последствия гражданской войны, наплыв беженцев, мятежи, бандитизм, большие налоги являлись основными причинами упадка сельского хозяйства в Сибири. Большой урон был нанесен сельскохозяйственной технике. «В 1918–1920 гг. ввоз сельскохозяйственного инвентаря в Сибирь почти прекратился. В 1921 г. он составил 21%, а в 1922 г. – 17% к уровню ввоза 1917 г. Количество инвентаря на 100 хозяйств с 1917 по 1920 г. значительно сократилось: сеялок на 27%, жнеек на 14%, молотилок и зерноочистительных машин на 20%, зато в 2,2 раза увеличилось количество сох и косуль. Имевшийся инвентарь был сильно изношен и нуждался в ремонте и замене» [1, с. 58].

На развитие сельского хозяйства в Сибири отрицательно повлияли неурожаи 1920–1921 гг. Информаторы рассказывают, что в 1921 г. в Верхнем Приобье и, в частности, на Алтае была сильнейшая засуха и, как следствие, очень низкие урожаи зерновых.

Советское государство облагало сибирские деревни повышенными налогами. «В 1920 г. Сибирь должна была по подразверстке сдать 110 млн пудов хлеба (24% обязательств по подразверстке страны) В 1920 г. валовой сбор зерновых в Сибири

составил около 245,3 млн пудов, а по стране 2082,6 млн пудов. Кроме того, хлебные излишки в Сибири от прошлых лет составляли не менее 118 млн пудов. Однако уровень отчисления разверстки к валовому сбору в Сибири был очень высокий – 45% (в среднем по стране – 21%). С августа 1920 по июнь 1921 г. в Сибири было заготовлено 67,4 млн. хлеба, т.е. 61,3% плана. Сибирь внесла значительный вклад в продовольственный фонд страны: ее доля в валовом сборе составляла 11,8%, а в заготовках – 18,3%» [1, с. 60].

Продовольственная кампания 1921-1922 гг. проходила в условиях, когда был введен продовольственный налог и начался переход к НЭПу. «По Сибири сумма налога составляла примерно 58% по отношению к фактически выполненной разверстке, однако по наиболее хлебобородной Алтайской губернии она была значительно выше – почти 96%. Нормы обложения в Сибири были высокими.

Если в среднем по стране продналог составлял 12–13% от валового сбора, то в Сибири около 20%, а в Алтайской губернии около 30%» [1, с. 61]. Во второй продовольственной кампании в 1922–1923 гг. Сибирь «дала государству 27,6 млн пудов хлеба, т.е. около 22% от валового сбора, в то время как по стране уровень заготовок составлял лишь 16%» [1, с. 62]. Таким образом, комплекс многих причин привел к долгому и тяжелому кризису сельского хозяйства в Сибири.

Информаторы Верхнего Приобья эмоционально рассказывают о 1920-х гг. как об «очень голодном времени», о хроническом недоедании: «Ничего вообще не ели. Плохо очень было» [Полевые материалы автора (далее ПМА), Решетникова А.А.], приводят многочисленные примеры случаев истощения.

В 1923–1924 гг. государством был установлен единый сельскохозяйственный налог. С 1924–1925 гг. он начал взиматься в денежной форме. Сумма налога ежегодно сокращалась. «В 1923 г. она была в 3 раза меньше продразверстки 1920 г. и в 1,5 раза меньше продналога 1922 г.» [1, с. 65].

Большинство информаторов Верхнего Приобья упоминали сельскохозяйственный налог 1920-х гг. в контексте описания общей картины голода в сибирской деревне: «Есть было совсем нечего, а еще и налог платили» [ПМА, 2004, Негонова Т.А.]; «Хлеба и молока не хватало, мяса мы вообще не видели. Жмых собирали, ягоды, грибы» [ПМА, А.А. Братенкова].

По сравнению с европейской частью страны, в Сибири в 1920-е гг. наблюдалось отставание темпов колхозного строительства. «В середине 20-х годов колхозы Сибири были плохо обеспечены основными средствами производства (кроме земли) и кредитами. Сибирские колхозы превосходили колхозы РСФСР по земельной площади примерно в 4 раза, по посеву – более чем в 2 раза, а также по числу едоков – на 18% и работников – на 40%. В то же время они в два раза были хуже обеспечены собственными капиталами и на 33% кредитными средствами. Колхозы Сибири по сравнению с колхозами РСФСР на 59% были хуже обеспечены постройками, на 57% – инвентарем» [1, с. 72].

Такое значительное отставание объяснялось особенностями возникновения колхозов в Сибири: они в большинстве случаев (99%) возникли на надельной крестьянской земле, тогда как коллективные хозяйства европейской части страны в значительной мере сформировались на основе бывших помещичьих имений, получив при создании постройки и сельскохозяйственный инвентарь [1, с. 73].

Информаторы Верхнего Приобья неоднозначно оценивают изменения в питании, последовавшие за учреждением колхозов и совхозов в деревнях и селах. «Родители вступили в колхоз, и мы остались без скотины совсем. Молоко пили только по праздникам. Мяса вообще не видели» [ПМА, Воронова М.А.]. «Жить стало лучше. Но вот молока меньше пить стали. Ведь за старую корову должны были отдать 240 литров, а за молодую – 120 литров молока. Самим ничего не оставалось» [ПМА, Окунева П.А.]. «И при колхозах мы плохо жили, и до колхозов есть было нечего. На человека давали один килограмм хлеба, а на иждивенцев двести грамм» [ПМА, Негонова Т.А.]. «В 1939 году нас

загнали в колхоз, и зерна у нас стало меньше» [ПМА, Братенкова А.А.]. «Единолично хорошо жили – одна корова была, свиней много было, телята, лошади, овечки» (ПМА, Суворкина А.А.). «В колхозах хорошо жили, особенно сначала. Мы бедняки были и сразу в колхоз вступили» [ПМА, Выходцева П.П.]. «При вступлении в колхоз отдавали только лошадь, а коров и овец оставляли. Насильно в колхоз не гнали, но прижимали – большой налог зерном брали» [ПМА, Ефремов М.И.].

Значительная часть информаторов Новосибирской обл. (Маслянинского, Сузунского, Болотнинского р-нов) и Алтайского края (Первомайского, Тогульского р-нов) подтверждают, что к концу 1920-х гг. «сеять на полях стали больше» [ПМА].

Во второй половине 1920-х гг. в Сибири наряду с ростом земледелия наблюдался и подъем животноводства. «К 1928 г. поголовье всего скота превзошло наивысший дореволюционный уровень (1916 г.) на 37,8%, в том числе поголовье крупного рогатого скота – на 16,8%, коров – на 7,8%, овец – на 92,3%, свиней – на 13,1%» [1, с. 110]. В 1929 г. неурожай и засуха на полях повлекли за собой ухудшение кормовой базы и, как следствие, снижение поголовья крупного рогатого скота.

По словам информаторов, в 1929-1930 гг. на селе наблюдалось падение животноводства. «Коров было нечем кормить, они болели. Молока мало было» [ПМА, Одрова Е.В.].

Во второй половине 1920-х гг. стали широко проводиться мероприятия с целью повышения продуктивности животноводства. «Сибирская корова, как известно, отличалась высоким содержанием жира в молоке. По данным обследования, в Томской губернии в 1924 г. средняя жирность молока за год составила 5,2%. Такого высокого процента жира не давала ни одна из культурных пород мира. Кроме того, сибирская корова была неприхотлива к содержанию и кормам» [1, с. 112]. Сибирское маслоделие переживало в 1920-е гг. кризисное состояние. Среди основных причин можно назвать то, что рост поголовья скота не сопровождался улучшением качественных показателей и, прежде всего, надоев на корову. Кризис сопровождался снижением товарности молочного хозяйства. Многие середняки и бедняки стали держать большее количество скота, и потребность в покупке молочных продуктов у них уменьшилась.

Большинство информаторов рассказывали, что хотя бы одна корова была почти в каждом крестьянском хозяйстве, но все равно отмечали нехватку молока в повседневном рационе в 1920-е гг.

Информаторы, проживавшие в Алтайском крае (д. Антипино Тогульский р-н), рассказывали, что в начале 1920-х гг. в деревню приехали раскулаченные переселенцы из Воронежской, Рязанской, Пермской губ. и начали осваивать ранее не использовавшиеся для земледелия участки: выкорчевывали кустарники и пни, распахивали целинные и залежные земли.

После гражданской войны сельское хозяйство страны переживало глубокий кризис. В Сибири он протекал гораздо дольше, чем в Европейской России. Одной из причин затянувшегося кризиса сельского хозяйства в Сибири являлись повышенные продовольственные заготовки 1920–1922 гг. В марте 1921 г. правительство повсеместно заменило продразверстку стабильным продналогом. В 1921 г. продналог в Сибири на мясо, хлеб и другие продукты был определен в 53 млн. пудов, что составило половину объема выполненной продразверстки. Только к апрелю 1922 г. сбор продналога закончился (Сибирь дала около 49 млн ржаных единиц, или 28% всего продовольствия) [2, с. 22].

Наступает второй период сбора продналога, во время которого вместо продуктов, сдаваемых в 1921–1922 гг., взимался единый натуральный налог. В результате первой и второй налоговой продкампании, новой экономической политики уже весной 1923 г. в сельском хозяйстве Сибири начали происходить положительные изменения. Важным показателем восстановления хозяйств являлось то, что государство предоставляло крестьянам семенные и хлебные ссуды. Благодаря подъему агрономии и ветеринарного

дела в массовом масштабе начала проводиться очистка и протравление семян, борьба с сельскохозяйственными вредителями.

Во второй половине 1920-х гг. в Сибири идет непрерывный рост посевных площадей. «Посевные площади в 1929 г. почти в 1,5 раза превзошли довоенный уровень. Ежегодный прирост посева был высоким, и хотя в 1928 г. он понизился до 8,2%, однако в 1929 г. вновь возрос до 12,1%» [1, с. 96]. В конце 1920-х гг. (за исключением 1929 г., в котором большая часть посевов в Западной Сибири пострадала от засухи) происходит и увеличение урожайности всех видов зерновых культур.

Создание колхозов и совхозов открыло благоприятные возможности для широкого внедрения в сельское хозяйство достижений науки и передового опыта, повышения культуры земледелия и животноводства. В те годы были сделаны первые шаги по совершенствованию агротехники (посев сортовыми семенами, улучшение обработки почвы), повышение продуктивности животноводства (метизация и т.п.). «В Западно-Сибирском крае с 1930 по 1932 г. доля посева, предварительно обработанного под пары и зябь, поднялась с 30 до 48,3% ко всей площади посева. Посев сортовыми семенами увеличился с 24 до 69% <...> Совхозы и колхозы начали заниматься улучшением породы скота» [1, с. 466]. Однако недостаток средств, слабое развитие сельскохозяйственной науки того времени, отсутствие подготовленных кадров помешали добиться более высоких результатов в сельском хозяйстве. К концу первой пятилетки произошло сокращение сельскохозяйственного производства по некоторым основным показателям: валовому сбору хлеба, поголовью скота и т.д. Такое положение было характерно не только для Сибири, но и для всей страны в целом.

Во время второй пятилетки в стране, и, в частности, в Сибири, начался подъем основных отраслей сельского хозяйства. Роль Сибири в сельскохозяйственном производстве страны, временно понизившаяся в 1930-х гг., вновь поднялась. «На Сибирь приходилось 14% всего заготовленного в РСФСР хлеба, 23% молока, 25% мяса» [1, с. 485]. Сельскохозяйственное производство Сибири по всем основным показателям значительно превзошло уровень первой пятилетки, а также дореволюционный уровень.

Информаторы, проживавшие в Новосибирской обл. (с. Сузун Сузунский р-н) в 1930-е гг., помнят размеры и содержание продовольственной нормы, которая полагалась высылаемым раскулаченным семьям в дорогу до места нового поселения. «В 1930 году норма на каждое выселяемое кулацкое хозяйство на два месяца пути была семь пудов муки, семь пудов посевного зерна (пшеницы, ржи, овса, ячменя), кормового овса давали двадцать семь пудов и посевного картофеля два пуда» (ПМА, Емельянова О.В.).

Примерно с 1930-х гг. в сибирских селах появились помидоры. Многие информаторы рассказывали, что первоначально не имели ни малейшего понятия, что это за овощи и какие блюда из них можно готовить. В ряде селений (с. Тогул, с. Старый Тогул, д. Антипино Тогульский р-н Алтайского края,) помидоры появились в военное или послевоенное время.

Верховье Енисея и Уймонскую долину также коснулась коллективизация: «Были колхозные поля, работали в колхозах» [ПМА, Житникова А.А.].

В 1920–1930-х гг. в селах появились предприятия общественного питания. Организация общественного питания имело своей главной целью минимизировать временные затраты человека на домашний труд, в том числе и на приготовление пищи. Быстрыми темпами росла сеть общественного питания в годы первой и второй пятилеток. В 1927 г. был создан краевой Комитет содействия народному питанию, который возглавил работу по расширению сети общепита. «Если на 1 октября 1926 г. в Сибири насчитывалось 32 столовых, то на 1 октября 1927 г. – уже 84 с пропускной способностью 16 тыс. обедов в день. В 1928 г. общее количество столовых в Сибири возросло до 113» [3, с. 56-57].

Среди положительных факторов, повлиявших на развитие сельского хозяйства и, соответственно, на питание крестьян, нельзя не отметить сравнительно высокий темп и

уровень снабжения крестьянства инвентарем и машинами. Информаторы Новосибирской обл. и Алтайского края также отмечают этот фактор, как положительно повлиявший на улучшение качества сельскохозяйственной продукции.

Кроме того, поток переселенцев и, как следствие, вовлечение в хозяйственный оборот новых пригодных для сельского хозяйства земель сказались на питании крестьян благоприятным образом.

Литература

1. Гушин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции и народного хозяйства 1926–1937 гг.) / отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 510 с.

2. Воротова Ю. Сельское хозяйство Сибири в условиях НЭПа // Аграрная история Сибири: традиции и модернизация: материалы науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. С. 21-24.

3. Исаев В. И. Быт рабочих Сибири 1926–1937 гг. / отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 240 с.

УДК 391/397(571.122)

Анцифирова Н. А., Морозова Н. А.
Antsifirova N. A., Morozova N. A.

БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА КОРЕННОЙ СУРГУТЯНКИ XX СТОЛЕТИЯ

HOUSEHOLD CULTURE OF WOMAN NATIVE OF SURGUT IN THE 20th CENTURY

В статье описывается изменение основных компонентов бытовой культуры сургутянок на протяжении XX века и их изменение. Рассматриваются обыденные условия проживания сургутской женщины, культура питания, особенности гардероба и досуг.

The article describes changes of the main components of the household culture of Surgut women during 20th century. The everyday living conditions of a Surgut woman, food culture, wardrobe characteristics and leisure are considered.

Ключевые слова: женщина, быт, хозяйство, Западная Сибирь, гардероб, труд, очаг, культура питания, рукоделие.

Keywords: woman, household, economy, Western Siberia, wardrobe, work, hearth, food culture, handicrafts

Изучение культуры, в том числе и бытовой, несомненно, важно с точки зрения познания истории любого народа: не зная истории прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и построить будущее. Испокон веков роль женщины в семье заключалась в сохранении семейного очага. Это негласное женское предназначение не обошло стороной и русских женщин, в частности представительниц севера Западной Сибири. Безусловно, невозможно говорить о познании исторической действительности, в частности города Сургута в XX веке, без реконструкции быта сургутян. Объектом нашего исследования выступит бытовая культура сургутянок 1930–1960-х гг. как совокупность таких реалий как жилище, пища, одежда, досуг. Мы рассмотрим жизнь женщины севера Западной Сибири на примере жительниц города Сургута. Выбрали эту географическую позицию мы неслучайно. Она нам близка, ведь проживаем мы именно в этом суровом крае. Бытовая культура сургутянок практически не изучена. Есть упоминания в книгах краеведов и журналистов [1-4].

Сургутские женщины жили в постоянном труде и заботах. День сургутянки начинался рано, с рассветом, до работы в колхозе или на рыбзаводе, нужно было успеть покормить скотину, подоить корову, наносить воды из реки ведрами на коромысле (эта трудоемкая работа ложилась на плечи женщины и старших дочерей) и приготовить еду на всю семью. После рабочего дня также хватало домашних забот: управиться со скотиной и огородом, приготовить ужин, постирать и прибраться дома.

Дом старожильческой сургутской семьи – это целая усадьба со всеми жизненно важными объектами. На дворе амбар или два, завозня, баня, стайки для скота, пригон или загородь. Под крышей погреб со льдом или снегом, который не таял все лето – «ледник». Там хозяева хранили свежую рыбу, молоко, мясо, другие продукты. О холодильниках тогда представления не имели. В огороде – глубокая яма, обрамленная срубом из не толстых бревен. Там сохраняли картофель, овощи. Хранилище плотно закрывали, иногда на него сметывали сено, оставляя лишь небольшую отдушину для притока свежего воздуха. Открывали в марте или апреле, семенной картофель доставали в мае и до посадки проращивали его в теплом месте, чаще прямо в избе. В глубине огорода располагались помойная яма и туалет, сколоченный из досок [4, с. 23].

Окружал дом обычно палисадник из штакетника. Он украшался цветами, которые хозяйки сами высаживали, в том числе выращивали и подсолнухи, однако дозреть они не успевали. Также в палисаднике росли черемуха и рябина. Перед входом в дом – крыльцо, затем просторные сени, в них кладовка, или чулан. Там находились полки с кастрюлями, крынками и корчагами, бочки и кадки, лари или просто ящики: все это с запасами продуктов. Из кладовки – лаз на вышку (чердак). Там обычно сушили белье и складывали разные старые вещи, которые уже никому не были нужны, но и выбрасывать было жалко. В летнюю пору на вышке натягивали полога – в них спали подросшие дети и взрослые [4, с. 24].

Дом, как правило, состоял из прихожей, кухни, горницы и хозяйской спальни. В нем было не шикарно, но зато очень просторно – сургутяне строили немаленькие дома [2, с. 73]. Небольшая прихожая с вешалками для верхней одежды и скамейкой. За стеной кухня, в центре которой стоял деревянный стол, и лавки. Стол обычно покрывали клеенкой, но в праздничные дни его украшали скатертью вышитой вручную умелыми руками сургутских женщин. На столе стоял самовар, у стены – бочка с водой, в углу – раковина. В каждой семье имелся маленький самовар и большой ведерный – для гостей. Воду кипятили на древесном угле, который выжигали в русской печи, растапливали самовар лучинкой.

В Сургуте прошлого столетия в продаже большей частью был кирпичный чай, но во время сенокосной страды жители сами заготавливали полевой чай. Особенно вкусен был ароматный чай из белоголовника с молоком. На стол его ставили в специальных сливочниках, эмалированных или фарфоровых [1]. К стене, как правило, прибавляли шкаф с посудой. Также в кухне стояла большая русская печь. На печи зимой сушили валенки и сосновые поленья на лучину. У печи и под нею – ухват, с помощью которого в печь отправлялся (и доставался) котелок с едой; кочерга для углей, деревянная лопата для посадки хлеба в печь, сковородник, помело, противни, сковороды и ручка, с помощью которой сковорода убиралась в печь, чугуны, жаровни и другие принадлежности. У некоторых семей имелись очень интересные экземпляры чугунных вафельниц с классическим рисунком и с рисунком-матрицей в виде герба для изготовления выпечки в печи. Помимо приготовления пищи, печь также использовалась для отопления всего дома в холодное время года.

Сургутянки, как и любые женщины того времени, были искусными хозяйками, готовили множество различных блюд, ставили брагу и квас. Ни одно застолье не обходилось без большого рыбного пирога, картофельных шанег. Пирог с муксуном готовился к Новому году или ко дню рождения. Рыбу в Сургуте любили все, от мала до велика. На зиму ее заготавливали очень много. В основном вялили: пласт рыбы разрезали на кусочки и клали на крышу под солнце, на ночь забирали, а на день выкладывали вновь. От солнца и соли уничтожался описторхоз, если таковой был. Таким образом, рыба высыхала и дольше хранилась, зимой ее отваривали и готовили различные блюда. У каждой хозяйки имелись свои рецепты приготовления рыбы, вот, например, «фирменный» рецепт «подовушки» от Галины Клавдиевны Панкиной, коренной сургутянки: «С щуки снимается шкура, тушка режется на кусочки, обваливается в муке и обжаривается до золотистой корочки в сливочном масле. Готовые кусочки выкладываются в глубокую сковороду или емкость, заливаются водой, так, чтобы скрыло. Сверху укладывают нарезанный пластинами картофель и добавляют специи: мелко порезанный лук, соль, перец, лавровый лист. Все это закрывается крышкой и готовится на медленном огне. Минут через тридцать готово» [2, с. 74]. Стоит отметить, что сургутские хозяйки не только искусно готовили рыбу и заготавливали ее на зиму, но и сами занимались рыболовством.

На сборы дикоросов, как правило, ходили всей семьей. Леса были богаты на различные ягоды, на Каменном мысу росла даже земляника и княженика. Заготовкой ягод на зиму занимались в основном женщины. Вот, например, один из способов заготовки

морошки на зиму, которым пользовались сургутянки: «Ягоду очищали от чашелистиков, промывали и помещали в предварительно ошпаренную 10-ти литровую бутылку. Затем заливали водяным, очень сладким сахарным сиропом (по вкусу) и ставили в погреб». Аромат ягоды, таким образом, сохранялся на всю зиму. В погребе хранили бочонки с моченой брусникой, замороженной клюквой и всякой прочей снедью, собранной в лесу и выращенной на огороде [2, с. 74].

Огородничество требовало немало труда и забот. В мужские обязанности чаще всего входило вскапывание огорода и его полив. Все остальное было на плечах женщин: посадка, прополка, окучивание. На сургутских огородах росли картофель, лук, репа, морковь, капуста, огурцы, а также турнепс, которым в основном кормили скотину. Отметим, что теплицы в то время не устанавливали, огурцы и помидоры высаживали в открытый грунт (в основном семенами), удобренный навозом. За лето они вызревали хорошо. А вот малину и смородину не сажали, они росли в большом количестве в лесу. Рассадку и молодые растения на ночь обычно закрывали зимними оконными рамами, которые выставляли в избе с наступлением теплых дней. Помимо огорода занимались сургутянки и животноводством: держали кур, овец и очень часто коров.

Весной после вскрытия реки, рогатый скот перевозили за протоку Бардаковка. Каждые утро и вечер матери с дочерьми собирались с деревянными подоюниками на берегу Бардаковки и ехали доить коров. В пойме быстро поднималась трава, скот набирал силу, и с каждым днем надои росли. А когда вода убывала, и протоки пересыхали, коров по вечерам пригоняли на дойку домой. После дойки их отгоняли на ночевку в летние загороды, построенные на правом берегу Саймы. Утром коров снова провожали за Бардаковку, и там они разбредались по поймам. Овцы летом паслись в самом Сургуте, так как улицы его были сплошь покрыты мелкой травой [2, с. 10].

Много хлопот доставляло в то время домашнее хозяйство. В конце марта, весь апрель и начало мая сургутяне заготавливали дрова на предстоящую зиму. Лесосеки отводились за Саймой. На заготовку дров уходили утром целыми семьями. Мужчины валили лес, сваленные деревья разделяли на чурки, а женщины в свою очередь складывали их в поленницы. Дрова оставляли на месте заготовки до осени, до первого снега, а затем вывозили их на лошадях. Каждая семья ставила обычно по 25-30 кубометров дров [4, с. 28-29].

Зимой, когда дела с огородом и заготовкой дров были закончены, и оставалось свободное время, женщины садились за рукоделие – это было одним из любимых увлечений того времени. Если у одной хозяйки появлялась новая вязаная скатерть, то и другой нужно сделать такую же обнову. Рукодельничать умели все женщины Сургута. Своими «фирменными» секретами рукоделия делились на посиделках. Девушки собирались на вечерки, где вышивали или вязали. Помимо этого, шили одежду или перешивали купленную в магазине, шили занавески в любимой технике «ришелье», ткали коврики, сначала вручную, потом на станках, у кого была возможность приобрести подобный станок. Пряли пряжу в основном из шерсти собак, и вязали носки, варежки, шали. Свое свободное время сургутянки попросту не тратили, всегда находили себе полезное занятие. Ведь как говорит коренная сургутянка Г.К. Панкина, «...характер северянина, и вообще сибирского человека, какой? Они много не говорят, больше делают. От этого и создается размеренность жизни... Я не могу просто без дела сидеть. Старосургутская закваска что-нибудь делать, шевелиться не дает покоя» [2, с. 72].

Несмотря на заполненную домашними делами и хлопотами жизнь, сургутянки оставались настоящими женщинами. Они, как и любые представительницы прекрасного пола, также любили красивые наряды. Конечно, одевались в основном не роскошно, но всегда чисто и опрятно. Женщины и девушки любили пуховые полушалки, шали, платки. Шапки, даже из шкурки соболя или черно-серебристой лисицы, почти не носили, хотя мехов было в достатке. Обязательным предметом гардероба каждой сургутянки были

выходные туфельки. Стояли такие лакированные «лодочки» на высоком каблуке как украшение в переднем углу горницы, у некоторых даже на комод. Такие туфли любили и берегли, потому что они были одни. Поводом для выхода в этих «лодочках» и расклешенном ситцевом платье с воланом служили проводимые в то время спектакли в местном клубе, а также вечера танцев и песен [3, с. 42].

Помимо таких светских выходов, сургутяне обязательно ходили в гости друг к другу на дни рождения и другие праздники. В этом случае в доме хозяев собиралась большая компания родственников и друзей. Как уже писалось выше, сургутские женщины были искусными хозяйками. К таким поводам для встреч на столе всегда было великое множество вкусных угощений: от серьезных рыбных пирогов, до сладких ватрушек и тортов. Причем гости тоже шли не с пустыми руками. Существовала некая договоренность, кто что принесет к столу.

Так неспешно проходила жизнь сургутских семей, и ничего не предвещало радикальных изменений. Но жизнь вносит свои коррективы, и 1941 году началась война. Когда мужья и отцы ушли на фронт, а в селе остались в основном женщины, дети и старики, то, конечно, вся работа, в том числе и мужская, легла на женские плечи. Девиз того времени был «Все для фронта! Все для Победы!». Сургутянки, помимо того, что работали весь день на колхозе или рыбозаводе, занимались заготовкой дров, ходили по воду, ловили рыбу (существовал даже определенный план по рыбодобыче). Такой объем работ был установлен в Сургуте на все военные годы. Часто самим семьям в тылу не хватало хлеба. Как вспоминает те годы коренная сургутянка Л.Е. Пачганова, спасала картошка, рыбий жир и грибы. Помимо провизии для бойцов, на фронт собирались посылки с обувью, вещами – порой на семью оставались одни лишь валенки, которые одевались по очереди, остальное же все отправляли солдатам. Также на заводы отправляли железную посуду, самовары для изготовления оружия, самолетов, танков. Одной из бытовых напастей в то время были вши. Из головы их вычесывали гребнем, из белья выводили кипятком, горячим утюгом, существовали и другие способы их уничтожения. Часто «искались»: мать усаживала дочь или сына рядышком, клала его голову на свои колени и прядь за прядью тупым ножом разбирала волосы. Ни один паразит не спрячется [1].

Безусловно, старшие дети помогали матери в быту и в работе, но даже эта помощь, конечно, не могла полностью заменить мужчину как субъекта семьи. А после войны существенно легче жить не стало: во-первых, не во все семьи вернулись любимые мужья и отцы, а во-вторых, приходилось в том же ритме работать, чтоб поднять страну, понесшую колоссальные потери в страшные годы войны.

Постепенно жизнь вошла в привычную колею. Хозяйство восстанавливалось, города строились заново, и на севере тоже начались перемены. Так, открыли нефтяные и газовые месторождения, и в Сургут стали приезжать различные молодые специалисты геологонефтегазовой отрасли. Село стало расти и меняться на глазах – менялись с ним и его жители. В 1970-е годы Сургут начал активно застраиваться панельными домами, старые деревянные дома сносили, и к концу XX века большинство людей проживало уже в квартирах. Сургут приобрел статус города, и жители, соответственно, стали горожанами. Таким образом, к концу века уклад жизни сургутских женщин, в большинстве своем, поменялся и стал более близок к образу жизни современников. Но тем не менее некоторые традиции «старого» Сургута остались жить в семьях коренных сургутян и по сей день: в праздники они собираются большими семьями, и так же, как в былые времена, готовят традиционные сибирские угощения (рыбные пироги, шанги и торты, в количестве 4-5 штук) [1].

Изучив культуру повседневного быта сургутской женщины 1930–1960-х гг., мы можем смело сказать, что роли мужчины и женщины в Сургуте во многом повторяли традиционное распределение семейных обязанностей, которое сложилось исторически:

мужчина – добытчик, а женщина – хранительница очага. Но тем не менее в особых случаях женщина могла аккумулировать свою энергию и вести хозяйство за двоих, как это показывают военные годы. Конечно, такой вынужденный темп жизни был временным и все возвращалось на круги своя, но и довоенный период, и послевоенный не характеризовались легким бытом, ведь в суровых условиях Севера и без современных технологий все давалось только трудом, выносливостью и любовью к семье и жизни. Ко всему прочему, свое влияние на характер и закалку коренной сургутянки оказал и наш северный край: ведь только трудолюбивый человек сможет выжить в столь суровых природных условиях.

Литература

1. Беседа научных сотрудников МБУ ИКЦ «Старый Сургут» Н. А. Анцифировой и Н. А. Морозовой с коренной сургутянкой Людмилой Ефимовной Пачгановой 1935 г.р. от 09.10.2017 [Аудиозапись беседы]. Публикуется с согласия Л. Е. Пачгановой.
2. Давыдова А. О. Коренные сургутяне. Сургут : Сургутская типография, 2004. 180 с.
3. Захаров И. П. Позиция // Ездаков Н. И., Захаров И. П., Мамлеев Р. Ш. Обручальное кольцо : очерки о судьбах людских. Сургут : Северный дом, 1994. С. 31-50.
4. Захаров И. П. Старожилы. Сургут : Нефть Приобья, 2001. С. 22-31.

УДК 331.2(091)(571.12)

Рашевская Н. Н.
Rashevskaya N. N.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ ТРУДА ТЮМЕНСКИХ РАБОЧИХ В 1945–1965 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЗАВОДА «МЕХАНИК»)

SALARY AS FACTOR OF WORK MOTIVATION OF TYUMEN WORKERS IN 1945–1965 (THE CASE OF FACTORY “МЕХАНИК”)

Статья посвящена изучению изменений в системе оплаты труда тюменских рабочих как главного фактора мотивирующего тружеников завода к высокопроизводительному труду. Автор пришел к выводу, что, несмотря на постоянный рост заработной платы, получаемых рабочими денег хватало только на удовлетворение первоочередных человеческих потребностей. Преобладание сдельной системы оплаты труда при существующих производственных условиях не способствовало росту производительности труда и материального благосостояния трудящихся.

The article is devoted to the study of changes in the salary system of Tyumen workers as a main factor motivating workers of the factory to high-efficient labor. The author came to the conclusion that, despite the constant growth of a salary, the workers' money was enough only to satisfy their immediate human needs. The predominance of the piece-rate payment system under the existing working conditions did not contribute to the growth of labor productivity and material well-being of the working people.

Ключевые слова: заработная плата, мотивация труда, Тюмень, рабочие.

Keywords: salary, work motivation, Tyumen, workers.

Изучение проблем мотивации в индустриальном труде является одним из развивающихся направлений исторических исследований. Многие современные авторы связывают крах советской экономики с падением трудовой дисциплины и низкой производительностью труда [29, с. 209]. Поэтому обращение к проблеме материальных стимулов к труду советских рабочих поможет определить, насколько успешно была реализована государственная политика в области материального стимулирования рабочих в реалиях конкретного производства одного из крупных сибирских городов.

На протяжении исследуемого периода на заводе существовало две основных системы оплаты труда: повременная и сдельная. Вид оплаты зависел от специфики выполняемой работы. Большинство заводских рабочих как основных, так и вспомогательных цехов трудилось на сдельной оплате труда [2, с. 32 об], то есть размер заработной платы напрямую зависел от количества и качества выполненной работы, что должно было стимулировать рабочих на более высокопроизводительный труд. Сдельная оплата труда преобладала в литейном и механосборочных цехах, деревообрабатывающей и кузнечной мастерской. На повременной оплате преимущественно работали в ремонтной мастерской и стройгруппе [3, с. 68-98].

Размер заработной платы зависел не только от системы оплаты труда, но и от присвоенного разряда. К примеру, в 1956 г. средний разряд заводских рабочих составлял 4,3; в том числе литейного цеха – 3,9; механосборочного – 4,3; кузнечно-заготовительной мастерской – 4,7; деревообрабатывающей мастерской – 4,1; инструментальной мастерской – 4,9; энерго-механической мастерской – 4,7; транспортной группы – 3,9 [4, с. 19]. Во второй половине 1950-х гг. большинство рабочих продолжало трудиться на сдельной

оплате труда по разрядам с 3 по 5 [5, с. 220]. Рабочие в «горячих цехах» получали зарплату на 20-30 рублей больше, чем рабочие, занятые на «холодных» работах [6, с. 8].

К началу семилетки количество сдельщиков, по сравнению с 1956 г., увеличилось на 152 человека, а повременщиков – на 29 человек [7, с. 76]. К концу исследуемого периода большинство рабочих по-прежнему трудилось на сдельной оплате труда, но их число уменьшилось, по сравнению с 1959 г. на 87 человек, а численность повременщиков, наоборот, увеличилась на 103 человека [8, с. 14].

Аванс заработной платы выдавался 22-24 числа, окончательный расчет производился 8-10 числа следующего месяца. Средняя зарплата на одного рабочего в 1945 г. составляла 497 рублей, в 1946 г. – 525 рублей, в 1947 г. – 649 рублей. В последующие годы отмечался рост зарплаты, к примеру, в 1951 и 1952 гг. – 685 и 701 рубль соответственно [9, с. 2].

Для того, чтобы оценить реальный уровень заработной платы рабочих, приведем цены на основные продуктовые товары. Так килограмм ржаного хлеба стоил 3 руб., пшеничного – 4 руб. 40 коп., картофеля – 1 руб., макарон – 10 руб., литр молока стоил более 3 руб., а килограмм сливочного масла – 62 руб. Мясные и рыбные продукты, в зависимости от сорта, оценивались в 5–30 руб. за кг. Цены на промышленные товары были значительно выше, и порой стоимость некоторых предметов широкого потребления равнялась среднемесячной оплате труда рабочих. Например, «в 1948 г. мужское зимнее пальто, произведённое в Тюменском ателье мод, можно было приобрести за 778 рублей, дамское – за 751 рубль, мужской костюм обошелся бы в 507 рублей, а женский – 456 руб., одна рубашка – 125 руб., брюки – 164 руб. Предметы домашнего интерьера, такие как столы, комоды, буфеты или шкафы, стоили от 150 до 600 рублей» [31, с. 163].

Следовательно, рабочие завода вполне могли обеспечить себя продуктами питания, а на приобретение промышленных товаров получаемых денег было не достаточно. В первые послевоенные годы ситуация осложнялась еще и тем, что не всегда удавалось отоварить карточки в заводском магазине. Рабочие постоянно жаловались на наличие в магазине испорченных продуктов и их нехватку, порою не было даже хлеба: «Безобразия творит Тюмторг – хлеб своевременно не подвозится и рабочие часто вынуждены работать без хлеба» [10, с. 37]. Даже в конце 1950-х гг. в городе продолжало не хватать картофеля, овощей, молочных продуктов, кроме того, по словам первого секретаря горкома КПСС С.К. Пацко на XXV партийной конференции 13-14 декабря 1958 г., «у нас маловато в продаже ситца, дешевой посуды, детской одежды и обуви» [11, с. 149].

Анализ выступлений рабочих на партийных и профсоюзных собраниях показывает, что главным фактором, мотивирующим рабочего на высокопроизводительный труд, являлась материальная составляющая: «Если у человека материальное положение хорошее, то и отношение к работе хорошее» [12, с. 35]. Некоторые рабочие, не желая мириться с потерями в зарплате, предпочитали уволиться. В частности, 25 февраля 1956 г. на заседании партбюро рассматривали заявление коммуниста Ю., который просил уволить его с завода по собственному желанию, так как «не хочет работать на сборке шпалорезного станка потому, что на нем меньше можно заработать» [13, с. 76].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС № 1252 от 8 сентября 1956 г. «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим» и во исполнение приказа Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности от 31 октября 1956 г., с 1 января 1957 г. по заводу устанавливались следующие минимальные размеры заработной платы в месяц: для литейного цеха – 360 рублей, на горячих работах и работах с вредными условиями труда – 340 рублей, на всех холодных работах – 330 рублей, младшему обслуживающему персоналу: уборщики, гардеробщики, водогрейщики, конюхи, дворники, банщики, работникам охраны – 300 рублей. Отменялись подоходный налог и налог с холостяков, одиноких и малосемейных рабочих и служащих, получающих заработную плату в размере

до 370 рублей [14, с. 92-93]. К марту 1957 г. средняя зарплата в литейном цехе составляла 846 рублей, механосборочном – 800 рублей, деревообрабатывающем – 782 рубля, кузнечном – 868 рублей, инструментальном – 800 рублей, энергоцехе – 730 рублей, транспортном – 733 рубля [15, с. 11].

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в стране были осуществлены меры по упорядочению заработной платы. Их основные задачи состояли в том, чтобы обеспечить широкое внедрение в производство технически обоснованных норм выработки, повысить удельный вес тарифных ставок в заработках трудящихся, устранить ведомственный разрыв в тарификации работ, улучшить региональное и отраслевое регулирование зарплаты, привести ее в соответствие с уровнем квалификации и условиями деятельности рабочих. Важным итогом совершенствования оплаты труда стала унификация тарифной системы. Общее количество ставок первого разряда сокращалось в промышленности до 40 против нескольких тысяч, были введены шестирядные сетки. На сибирских предприятиях это было введено в 1958-1961 годах [1, с. 39, 41].

На заводе «Механик» пересмотр норм произошел в 1959 году. Специального заседания, посвященного данному вопросу, на заводе не было проведено. Но некоторые рабочие все-таки выразили свое недовольство на одном из партийных собраний в ноябре 1959 г. К примеру, рабочий С. отмечал: «При пересмотре норм и разрядов руководство нашего цеха к целому ряду рабочих подошло неправильно. Рабочие имеют большой стаж, опыт работы, а им установили 2 разряд или 3. Многие не зарабатывают того, что зарабатывали раньше». В свою очередь, представители заводской администрации заявили, что «в целом зарплата повысится по расценкам на 20 %. В большинстве своем аттестационно-квалификационная комиссия решила вопросы правильно, за основу брали практическую работу. Претензий по присвоению разрядов очень мало» [16, с. 9-10].

На начало семилетки большинство рабочих имели должностные оклады от 301 до 399 рублей. Заработную плату до 269 рублей имел 21 человек, от 271 до 299 – 150 человек, 300 рублей – 19 человек, 301-350 – 404 человека, 351-399 – 162 человека, 400 рублей – 1 человек, 401-449 – 55 человек, 450 – 4 человека, 451-499 – 24 человека, 500 рублей – 1 человек. Большинство сдельщиков получали от 301 до 350 рублей, поврежденщики – от 401 до 449 рублей [7, с. 220-222].

В соответствии с постановлением СНХ и Облпрофсовета от 27 ноября 1959 г., с 1 декабря 1959 г. весь промышленно-производственный персонал завода был переведен на сокращенный – семичасовой – рабочий день и новые тарифные условия оплаты труда. При этом были увеличены повременные оклады на 100-200 рублей, введены новые тарифные сетки, ставки и нормы выработки. После реформы средняя заработная плата рабочих составила 746 рублей [3, с. 43].

У сессия Верховного Совета СССР 7 мая 1960 г. приняла закон об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих. С 1 октября 1960 г. было прекращено взимание налогов с рабочих и служащих, получающих зарплату до 500 рублей в месяц. В разные сроки, начиная с 1 октября 1960 г. налоги были снижены на 40 % на зарплату с 501 до 1000 рублей в месяц [17, с. 5]. К 1965 г. средняя зарплата на заводе составляла 110 рублей [18, с. 576].

К заработной плате рабочие имели возможность получить премии. Премия начислялась к зарплате по тарифу за фактически проработанное время в течение месяца, устанавливалась за каждый процент перевыполнения нормы обслуживания – 0,5 %, за снижение простоя рабочих из-за неисправности и ремонта оборудования – 0,4 %. Приказы директора выходили ежегодно для различных категорий рабочих. С 1 апреля 1952 г. была введена премиальная система для подсобных рабочих, находящихся на повременной оплате труда [19, с. 261]. С января 1953 г. были введены премии дежурным слесарям по текущему ремонту оборудования, дежурным электромонтерам и мастерам энергоцеха по экономии электроэнергии, подсобным рабочим [20, с. 18].

Несмотря на то, что размер премии был незначительным (0,4–0,5 % от ставки), рабочие не упускали возможность получить хоть какие-то дополнительные деньги. С 1 января 1962 г., согласно постановлению Президиума ЦК профсоюза рабочих машиностроения от 28 февраля 1961 г., была введена повременно-премиальная система для рабочих-сдельщиков и рабочих-повременщиков [21, с. 14].

Существовали и специальные премии из фонда директора. К примеру, по приказу директора от 30 ноября 1948 г., в целях повышения производительности труда, уменьшения брака и обеспечения спущенного задания, литейному цеху с 26 ноября по 30 декабря 1948 г. за систематическое выполнение и перевыполнение сменных заданий, формовщикам, занятым на формовке ширпотреба, устанавливались из фонда директора 4 премии: первая – 250 рублей, вторая – 200 рублей, третья – 150 рублей, четвертая – 125 рублей [22, с. 38]. Цеховые рабочие могли быть премированы за хорошую работу из фонда мастера в конце месяца, чаще всего, размер премии колебался от 20 до 40 рублей [22, с. 40]. В годы семилетки размер премии составлял в среднем от 3 до 10 рублей [23, с. 22].

Более значительными были премии за разработку и внедрение новой техники, работников премировали в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 23 июня 1956 г. «О премировании работников машиностроения за разработку и внедрение новой техники». Например, 5 октября 1957 г. за успешное участие в подготовке и выпуске нового высокопроизводительного станка модели ЦМК было премировано 112 человек в размере от 100 до 700 рублей [23, с. 302].

В послевоенные годы к праздникам 1 мая и 7 ноября рабочих не только премировали деньгами за хорошую работу в размере от 60 до 100 рублей, но и выдавали ордера на хлопчатобумажные костюмы, шелковые платья, сапоги, костюмы, туфли [24, с. 127-134].

Таким образом, премии могли стать важным дополнением к основной заработной плате, но для их получения необходимо было перевыполнять производственные задания, что не всегда удавалось при существующей организации труда. Кроме того, возможность получить премии имели не все рабочие, и нередко премии распределялись уравнилельно между членами коллектива, что также не стимулировало рабочего к ударному труду.

Анализ архивных документов показал, что на заводе преобладали так называемые опытно-статистические нормы, которые не стимулировали рост производительности труда и приводили к тому, что большинство рабочих перевыполняло нормы, а предприятие в целом не справлялось с плановыми заданиями. Массовое перевыполнение не отражалось на действительном состоянии производительности труда и тормозило её рост, создавало картину мнимого благополучия.

Ежегодно завод перерасходовал фонд заработной платы, о чем постоянно приходилось отчитываться перед вышестоящими инстанциями. Для сдерживания роста зарплаты администрация прибегала к повышению норм при одновременном снижении расценок, переводила на сдельную оплату всех возможных операций, нормы выработки стали устанавливаться на основе достижений рабочих-стахановцев.

Первоначально мероприятия по повышению норм и снижению расценок проводились плано-централизованно – непосредственно по указанию министерства, которое определяло процент повышения норм и снижения расценок. Например, приказом директора от 14 марта 1950 г. предписывалось пересмотреть до 22 марта 1950 г. все действующие на заводе нормы выработки, повысив их в среднем на 20 %, в том числе по вспомогательным цехам и работам – на 30 %, при этом, соответственно, снизив расценки на 16,7 и 23 % [25, с. 49].

Ежегодно на протяжении исследуемого периода нормы выработки повышались и расценки снижались в среднем на 20 %. Значительная часть нормативов, регулирующих в 1950-е гг. сдельно-премиальную оплату труда, была введена в разное время непосредственно предприятиями, главками и министерствами. В результате образовалось

большое количество шкал, по которым начислялись надбавки за перевыполнение норм. В машиностроении действовало 13 таких шкал [1, с. 35]. Июльский пленум ЦК КПСС в 1955 г. осудил опытно-статистические нормы, как не соответствующие современному уровню развития техники и передовой организации производства. В постановлении пленума отмечалось, что «пересмотр действующих норм выработки носил случайный характер» [30, с. 303-309].

15 августа 1956 г., вышло постановление Совета Министров СССР «Об изменении порядка пересмотра норм выработки», согласно которому с 1957 г. отменялся единовременный массовый пересмотр норм выработки [30, с. 310]. С этого времени пересмотр норм происходил по совместному решению заводской администрации и профсоюзного комитета протяжении всего года. В 1958 г. было пересмотрено 516 норм выработки из 7253 действующих, что составило 6,9 % [26, с. 5].

Нормы выработки обычно пересматривались в конце года, нередко формально, без осуществления организационно-технических мероприятий и повышения производительности труда. Разнобой в нормировании стирал грань в оплате квалифицированных и неквалифицированных кадров, тяжелых и сравнительно легких работ. Нормы выработки в горячих цехах были гораздо жестче, чем в обычных, и выполнялись в меньшей степени, что приводило к уравниловке в зарплате.

Даже после проведения реформы, на заводе продолжало сохраняться неблагоприятное соотношение между средней зарплатой рабочих и производительностью труда. Так, в приказе по Управлению машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности Тюменского совнархоза от 10 мая 1960 г. говорилось о том, что «за последнее время руководство предприятий управления ослабило контроль за выполнение постановления Совета Министров СССР от 15 августа 1956 г. «Об изменении порядка пересмотра норм выработки». На предприятиях не заменяются своевременно устаревшие нормы выработки, которые в результате проведенных организационно-технических мероприятий уже устарели и утратили свою роль в деле организации производства и сдерживают дальнейший рост производительности труда [27, с. 215]. К 1962 г. удельный вес технически обоснованных норм на заводе составлял всего 26 % при плане 60 %. В следующем году удельный вес технически обоснованных норм увеличился до 29 % и по-прежнему оставался недостаточным [28, с. 55].

Таким образом, в 1945–1965 гг. важным стимулом к работе тюменских рабочих являлся размер заработной платы. Несмотря на то, что на протяжении всего исследуемого периода размер заработной платы постоянно увеличивался, материальное положение большинства рабочих городов было невысокое, так как получаемых денег зачастую хватало только на приобретение продуктов питания. В дополнение к зарплате рабочие имели возможность получить премии, правда, их размер был незначительным: 20-40 рублей – на рубеже 1940–1950-х гг. и от 3 до 10 рублей – в годы семилетки. Эффективной системы материального стимулирования выработано не было.

Литература

1. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х - 1950-е гг.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 237 с.
2. Государственный архив Тюменской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 524.
3. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 562.
4. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 537.
5. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 527.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 151.
7. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 569.

8. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640.
9. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 440.
10. ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 16.
11. ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1082.
12. ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 15.
13. ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 3. Д. 10.
14. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 536.
15. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 552.
16. ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 3. Д. 14.
17. ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 221.
18. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 637.
19. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 486.
20. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 502.
21. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 599.
22. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 437.
23. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 545.
24. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 426.
25. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 459.
26. ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 151.
27. ГАСПИТО. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 266.
28. ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 20.
29. Разгон В. Н., Прибыткова К. П. Мотивация труда на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения Сибири в советский период (на примере Алтайского тракторного завода) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т.1. № 4. С. 204-210.
30. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1953-1961 гг. Т. 4. М., 1968. 783 с.
31. Мордвинцева А. В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: дис. ... к.и.н. Тюмень, 2010. 286 с.

УДК 324(571.122)

Мархинин В. В. (мл.)
Markhinin V. V. (jr.)

**ПАРТИИ И ИХ КАНДИДАТЫ НА МЕСТНЫХ ВЫБОРАХ: КАДРОВЫЙ СОСТАВ,
ДОВЕРИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ, ФАКТОРЫ УСПЕХА
(НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В СУРГУТЕ, 2011–2016 ГГ.)**

**PARTIES AND CANDIDATES AT LOCAL ELECTIONS: HUMAN RESOURCES,
VOTER'S SUPPORT, SUCCESS FACTORS
(THE CASE OF ELECTORAL CAMPAIGNS IN SURGUT, 2011–2016)**

Исследование посвящено анализу электоральных тенденций, реализованных на местных выборах в условиях политической реформы 2013-2016 гг. На материале данных о составе участников выборов, уровне их поддержки и профессиональной карьере в местной политике в рассматриваемый период делаются выводы о тенденциях в развитии политического плюрализма и конкуренции в электоральном процессе местного сообщества, выявляются противоречивые итоги реформирования партийного и избирательного законодательства России.

The paper is devoted to features brought to local elections by the political reform of 2013-2016. The outcome of the local political cycle towards party pluralism and competition is described based on electoral statistics and comparative analysis of professional careers of representatives in the local community during the period under review. The contradictory results of political reforming and electoral legislation of Russia are exposed.

Ключевые слова: местные выборы, избирательные системы, политическая конкуренция.

Keywords: local elections, electoral systems, political competition.

Настоящее исследование посвящено динамике участия партий и беспартийных кандидатов в местной избирательной кампании. Непосредственным предметом нашего анализа будут тенденции политического участия на уровне местного сообщества, реализованных в 2011–2016 гг. В качестве основного источника эмпирических данных в работе будут задействованы сведения об избирательных кампаниях в г. Сургуте, дополненные в ряде аспектов сопоставимыми данными относительно избирательных кампаний в других городах ХМАО – Югры. Целью работы является выявление тенденций развития политической конкуренции в электоральном процессе муниципалитета и оценка итогов реформы партийного и избирательного законодательства накануне политического цикла 2016 г.

Материалом для представленных ниже обобщений стали данные об избирательных кампаниях 2011 и 2016 гг. в Сургуте, размещенные на сайтах территориальной избирательной комиссии; в качестве дополнительных источников сведений привлекаются данные о составе участников избирательных кампаний в других крупных муниципалитетах округа (Ханты-Мансийск, Нижневартовск, Нефтеюганск, Пыть-Ях, Когалым, Урай, Югорск, Нягань, Лангепас).

В первую очередь рассмотрим ряд частных вопросов, характеризующих местные выборы. Первый из них касается особенностей и общих черт социального облика кандидатов от различных партий и беспартийных.

В общей сложности в 2016г. численность претендентов на один из 25 мандатов городской Думы Сургута достигла 128 человек (против 114 в 2011 г.). Почти половину из

них составили молодые люди в возрасте до 35 лет (59 чел.), несколько меньше – люди среднего (36-55 лет) и старшего (более 56 лет) возраста (54 и 15 чел. соответственно); традиционно кандидатов-мужчин было значительно больше женщин (98 против 30).

Возрастные характеристики кандидатов по-разному распределялись среди активистов от различных партий. Для большей репрезентативности покажем их применительно к упомянутым выше десяти крупным муниципалитетам (табл. 1).

Таблица 1

Возраст кандидатов в депутаты муниципальных представительных собраний в ХМАО – Югре, 2016 г. (чел.)

Возраст	18-35 лет	36-55 лет	Более 56 лет
Процент от общего числа выдвинутых кандидатов	27 (12%)	150 (70%)	37 (17%)

Примечание: Здесь и далее используется выборка, включающая гг. Ханты-Мансийск, Нижневартовск, Нефтеюганск, Пыть-Ях, Когалым, Урай, Югорск, Нягань, Лангепас; значения в % везде округлены до целых чисел в сторону уменьшения

Лидерами по привлечению молодежи в качестве кандидатов стали ЛДПР и КПРФ: около трети кандидатов от этих партий на момент выдвижения имели возраст 18-35 лет.

Таблица 2

Возраст кандидатов в депутаты муниципальных представительных собраний от ЛДПР в ХМАО – Югре, 2016 г. (чел.)

Возраст	18-35 лет	36-55 лет	Более 56 лет
Процент от общего числа выдвинутых кандидатов	43 (30%)	83 (59%)	13 (9%)

Наряду с молодежью среди кандидатов от КПРФ было много представителей старшей возрастной группы (56 лет и старше) – 27%, это самый высокий показатель среди парламентских партий.

Таблица 3

Возраст кандидатов в депутаты муниципальных представительных собраний от КПРФ в ХМАО – Югре, 2016 г. (чел.)

Возраст	18-35 лет	36-55 лет	Более 56 лет
Процент от общего числа выдвинутых кандидатов	34 (29%)	51 (43%)	32 (27%)

Заметно меньшую долю молодежь составила среди кандидатов от «Единой России» (далее ЕР) и «Справедливой России» (далее СР). Среди кандидатов от этих партий большинство составили лица в возрасте 36-55 лет; по этому показателю обе партии близки к КПРФ.

Таблица 4

Возраст кандидатов в депутаты муниципальных представительных собраний от ЕР в ХМАО – Югре, 2016 г. (чел.)

Возраст	18-35 лет	36-55 лет	Более 56 лет
Процент от общего числа выдвинутых кандидатов	22 (10%)	150 (72%)	36 (17%)

Таблица 5

Возраст кандидатов в депутаты муниципальных представительных собраний от СР в ХМАО – Югре, 2016 г. (чел.)

Возраст	18-35 лет	36-55 лет	Более 56 лет
Процент от общего числа выдвинутых кандидатов	26 (20%)	78 (62%)	21 (16,8%)

Возрастной состав кандидатов, разумеется, не был для партий предметом планирования и складывался в основном стихийно. Тем не менее он отражает определенные тенденции партийного строительства и общественного мнения. Возрастной состав кандидатов на муниципальных выборах формируется, во-первых, кадровой политикой местного отделения партии. Наиболее продуманная процедура отбора кадров в 2016 г. проводилась ЕР: все ее кандидаты проходили процедуру праймериз, завершавшуюся «предварительным голосованием» граждан. Кандидатами, прошедшими отбор, становились активисты, обладающие достаточным жизненным опытом и социальным багажом и в то же время далекие от возраста, в котором можно планировать завершение профессиональной и политической карьеры – предсказуемым образом среди них оказалось сравнительно немного представителей молодежи и людей старших возрастов.

Перед прочими партиями стояла задача не столько отбора, сколько поиска активных сторонников, готовых взять на себя обязанности, связанные с ведением агитационной кампании. Таким образом, состав кандидатов отразил особенности социальных связей, установленных партийной организацией в местном сообществе. На фоне остальных партий парламентской четверки в этой связи особенно примечательно выглядит КПрФ, относительно которой широко распространилось стереотипное представление как о партии ностальгирующих пенсионеров. Действительно, старшая возрастная когорта в КПрФ представлена достаточно внушительно, однако доля молодежи в составе кандидатов от компартии также достигает наибольших значений, значительно превышая аналогичные показатели СР и ЕР.

В промежутке между избирательными циклами 2011 и 2016 гг., как известно, состоялась масштабная реформа, направленная на либерализацию партийного законодательства и упрощение процедур участия партий в избирательном процессе. На уровне местных выборов в ХМАО – Югре непарламентские партии к моменту начала избирательной кампании 2016г. стали привлекательными площадками для реализации амбиций некоторой части политически активных граждан. Численность их кандидатов выросла примерно в три раза (с 40 чел. в 2011 г. до 129 чел. в 2016 г.). В наименьшей степени эти партии оказались привлекательными для молодых людей: доля кандидатов в возрасте до 35 лет среди выдвиженцев от непарламентских партий оказалась самой низкой.

Таблица 6

Возраст кандидатов в депутаты муниципальных представительных собраний от непарламентских партий в ХМАО – Югре, 2016 г. (чел.)

Возраст	18-35 лет	36-55 лет	Более 56 лет
Процент от общего числа выдвинутых кандидатов	14 (10%)	99 (76%)	16 (12%)

В 2016 г. в муниципальных выборах в ХМАО приняло участие значительное число самовыдвиженцев, именно среди них оказалось больше всего молодых кандидатов (как в абсолютном, так и в процентном выражении).

Таблица 7

Возраст кандидатов-самовыдвиженцев на выборах депутатов муниципальных представительных собраний в ХМАО – Югре, 2016 г. (чел.)

Возраст	18-35	36-55	Более 56 лет
Процент от общего числа выдвинутых кандидатов	78 (34%)	127 (55%)	23 (10%)

В сравнении с выборами 2011 г. доля молодежи среди самовыдвиженцев несколько сократилась, но в абсолютном выражении беспартийных кандидатов стало больше (78 в 2016 г. против 63 в 2011 г.).

Абсолютное большинство кандидатов в городскую Думу Сургута 2016 г. имели высшее образование (97 чел.) и постоянную занятость либо по найму, либо в качестве владельца собственного бизнеса. Неработающих, пенсионеров и учащихся среди кандидатов оказалось немного: 22 из 128 кандидатов (17%). В социально-профессиональном составе кандидатов наибольшая доля принадлежала частным предпринимателям – 40 чел. (31%), наряду с ними в выборах приняли участие работники бюджетных организаций и муниципальные служащие – 23 чел. (17%) и наемные работники частных компаний – 39 чел. (31%). Неоднородный состав этой последней группы отражал особенности местной экономической ситуации. Из 39 наемных работников почти половина (19 человек, или 14%) пришлось на руководителей в структурных подразделениях предприятий нефтегазовой отрасли; оставшаяся половина (20 человек) поровну распределилась между рядовыми наемными работниками нефтегазовой отрасли и наемными работниками других отраслей. В состав депутатского корпуса в 2016 г. (как и на предыдущих выборах) прошли кандидаты, занятые на руководящей работе в нефтегазовом секторе, руководители бюджетных учреждений и предприниматели.

Конкуренция на выборах городской Думы Сургута в 2016 г. усилилась. Такая тенденция была характерна и для десяти обследованных нами муниципалитетов: численность кандидатов в 2016 г. выросла на 13% и составила 947 чел. (в 2011 г. – 824 чел.). В 2 избирательных округах на территории Сургута победу одержали самовыдвиженцы, в остальных 23 – кандидаты от ЕР, все избранные депутаты впоследствии вошли во фракцию ЕР. Такие результаты также в целом отражают региональные и общероссийские тенденции и совпадают с итогами предыдущей кампании.

Тем не менее результаты двух последних кампаний по выборам городской Думы заметно отличаются друг от друга по ряду характеристик. Во-первых, это касается уровня поддержки, которого сумели добиться кандидаты. Если в 2011 г. победители выигрывали с результатом в диапазоне от 600 до 1600 голосов, то в 2016 планка явно повысилась: обладатели мандатов в Думе Сургута VI созыва получили поддержку в диапазоне 700-1800 голосов. Поддержка кандидатов избирателями выросла в 21 из 25 округов.

В 2016 г. победители сумели заработать в сумме значительно больше голосов, чем в 2011 (соответственно 36066 и 25649). В 17 округах победителям удалось добиться большего (в сравнении с итогами 2011 г.) отрыва от кандидатов, вышедших на вторые места.

Одной из предпосылок такого результата стала успешная работа повторно избравшихся депутатов. 9 депутатов 2011 г. вновь вошли в состав Думы в 2016 г., 8 из них получили больше голосов, чем в 2011 г.

Как уже избравшиеся в 2011 г., так и новые кандидаты от ЕР проходили процедуру праймериз, которая также сыграла свою роль в формировании конкурентоспособного состава кандидатов 2016 г. В ходе подготовки праймериз высказывалось мнение о том, что претенденты, недовольные их результатами, начнут собственные избирательные кампании и создадут угрозу кандидатам ЕР [1]. В действительности ничего подобного не произошло. Наоборот, ЕР удалось привлечь в свои ряды кандидатов, представлявших в 2011 г. другие политические силы. Так, кандидаты 2011 г. С.В. Васин (самовыдвиженец) и С.В. Хрипков (КПРФ), занявшие в своих округах 2011 г. вторые места, в 2016 выдвигаются от ЕР и побеждают с приличным отрывом. Напротив, С.В. Рябов и А.П. Алексеев, избранные в 2011 г. от ЕР, в 2016 г. выступили самостоятельно и проиграли. Кампания праймериз помогла не только в подборе кандидатов, но и в исключении из борьбы тех, кто в других обстоятельствах мог бы

бросить ей вызов: поражение на праймериз на деле поспособствовало сокращению их амбиций.

Партии парламентской оппозиции в целом проиграли выборы в Сургуте в 2011 и 2016 гг. (единственное исключение – избрание А.С. Ваца от СР в 2011 г.). Тем не менее итоги этих двух избирательных кампаний по ряду показателей оказались для них неодинаковыми.

ЛДПР сумела добиться увеличения симпатий избирателя в 14 округах. Общее число голосов, собранное ее кандидатами, в 2016 г. выросло примерно на 5,5 тыс. КПРФ ухудшила свой результат в 8 и улучшила в 7 округах, потеряв в целом около 1,5 тыс. голосов. СР ухудшила свои результаты в 7 округах, а улучшила лишь в одном, потеряв в совокупности около 7,5 тыс. голосов. У изменений уровня поддержки оппозиционных партий имеется такая общая предпосылка, как «электоральные качели», т.е. перераспределение протестных голосов между ними при смене электоральных циклов [2]. Однако указание на данный феномен само по себе не объясняет причину неспособности партий, добивающихся определенных успехов в одном электоральном цикле, развивать их в следующем. СР и КПРФ довольно успешно выступили в 2011 г. Кандидат А.С. Вац (СР) сумел одержать убедительную победу, В.А. Пахтаева (СР) опередила кандидата от ЕР и заняла второе место, уступив победителю всего лишь 26 голосов. Сильные кандидаты были и среди самовыдвиженцев: так, кандидат М.Б. Тараник уступил своему сопернику 16 голосов. Кандидат от КПРФ О.Г. Поздеев (КПРФ) вышел на второе место, уступая победителю (самовыдвиженцу) чуть более сотни голосов и опережая при этом кандидата от ЕР. 2011 г. в целом был для КПРФ периодом укрепления позиций в окружном и областном парламентах и на выборах Госдумы. Отчего же ни той, ни другой партии не удалось развить успех на местных выборах в 2016 г.?

Ближайшая и, так сказать, лежащая на поверхности причина – ситуация с кадрами. Ни один из упомянутых выше сильных кандидатов 2011 г. не принял участия в выборах 2016 г. Вообще, состав кандидатов от КПРФ, ЛДПР и СР обновился практически полностью, накопление политического опыта и его преобразование в улучшенные результаты было невозможно. Относительный успех ЛДПР, о котором шла речь выше, не стоит переоценивать. Рост поддержки ЛДПР в большой степени обеспечивался ослаблением СР и КПРФ: их успех имел место, в первую очередь, там, где эсеры и коммунисты не выставляли своих кандидатов, облегчая тем самым консолидацию протестных голосов вокруг ЛДПР. Диаметрально противоположная ситуация с кадрами имела место в ЕР, располагающей к тому же и значительно большими агитационными возможностями. В чем же причины кадровой «текучки» в недоминирующих партиях?

Институциональной основой такого положения вещей является господство жесткой модели мажоритарного представительства в муниципальных избирательных системах. Борьба в одномандатном округе по существу нивелирует усилия кандидата, направленные на постепенное увеличение своей популярности: рост поддержки может быть конвертирован в доступ к депутатскому мандату лишь при условии абсолютной победы, а не относительного успеха. Иная картина могла бы сформироваться в случае использовании смешанной системы.

При голосовании за партийный список на выборах окружной Думы в 2011 г. КПРФ, ЛДПР и СР получили соответственно 15%, 19% и 17% голосов. Экстраполируем эти данные на гипотетическую избирательную кампанию, которая могла бы пройти при использовании на выборах в городскую Думу аналогичной системы; в этом случае они соответствовали бы 1,9 (КПРФ), 2,4 (ЛДПР) и 2,2 (СР) условных мест в городской Думе. Экстраполяция аналогичных результатов, полученных ими в 2016 г., дает 1,4 (КПРФ), 2,9 (ЛДПР) и 1,8 (СР) условных мест. При использовании различных систем распределения мандатов эти условные значения могли бы давать партиям различное число мест, в том числе и ненулевое. Иначе говоря, у недоминирующих партий при использовании

смешанной системы имелись вполне реальные шансы провести в городскую Думу одного-трех депутатов.

Можно дать и примерную оценку распределения мандатов при использовании мажоритарной системы с многомандатными округами (вплоть до 2006 г. депутаты городской Думы избирались в пятимандатных округах). Для решения этой задачи сформируем условную модель многомандатной системы, в которой 1-5, 2-6, 7-11, 12-16, 17-21 и 22-25 одномандатные округа будут механически объединены в пятимандатные округа (эта операция, разумеется, условна: при реальном переходе к такой системе участки, входящие в избирательные округа, перераспределялись бы по более сложному алгоритму).

В состав пятерки лидеров при такой группировке округов наряду с представителями ЕР вошли бы и кандидаты от СР (С.В. Шамрай, 2 условный пятимандатный округ, В.Ш. Салахов, 4 условный пятимандатный округ), и самовыдвиженец (О.В. Леснова, 5 условный пятимандатный округ). Все эти кандидаты, не избранные при голосовании в одномандатных округах, могли бы претендовать на 4-5 места в многомандатных округах.

Потеря оппозиционными партиями опытных кандидатов обусловлена отсутствием у них предсказуемых перспектив политической карьеры. Сильные кандидаты от оппозиции получают поддержку на уровне слабых кандидатов правящей партии или даже на большем уровне, но встреча с соперниками, которых они способны победить, – дело случая, который в условиях одномандатных округов невозможно спрогнозировать. Успешная борьба за симпатии избирателей дает таким кандидатам, образно говоря, возможность поучаствовать в лотерее, а не в состязании.

В такой ситуации не удивительно, что, как показывают сделанные нами ранее замеры, основной итог избирательной кампании – прохождение в состав выборного представительного органа – в общем случае не связан с интенсивностью усилий, приложенных в ходе кампаний [3; 4]. Такая ситуация, конечно же, не способствует закреплению перспективных кандидатов в кадровом составе партий: при первой возможности многие из них стремятся связать свою политическую судьбу с карьерой в партии власти или вовсе оставляют политику ради реализации своего потенциала в других сферах.

Таким образом, избирательная реформа 2013-2016 гг., которая декларировалась в качестве средства оживления политической активности в стране, оказала на нее весьма противоречивое воздействие. С одной стороны, она, действительно, вовлекла в политическую жизнь значительное число новых участников, с другой – она же закрепила господство жесткой модели мажоритарного представительства и, таким образом, существенно сократила возможности этих новых участников в деле продвижения собственной профессиональной карьеры в политике. В этих условиях – если они сохранятся и далее – положительный эффект от вовлечения в политику значительного числа новых лиц не будет иметь развития: он будет сведен на нет их разочарованием в перспективах дальнейшего участия в политической жизни. Впрочем, есть основания предполагать, что положения реформы 2013-2016 гг. будут пересмотрены в недалеком будущем: реформирование партийной и избирательной системы накануне нового электорального цикла есть своего рода традиция, от которой с начала 2000-х гг. отступают редко.

Литература

1. Кынев А. Работа на перспективу. Два мифа о демократических силах в России. URL: <https://republic.ru/posts/64674> (дата обращения: 20.12.2017)
2. Степыгин А. В Югре праймериз выйдут «Единой России» боком. URL: <https://ura.news/articles/1036268083?comments1036268083> (дата обращения: 20.12.2017)

3. Мархинин В. В., Пуртова В. С., Ушакова Н. В., Утенкова В. Ю. Политическая активность парламентской оппозиции как фактор успеха в региональном избирательном процессе (на примере выборов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре 2011 г.) // Теории и проблемы политических исследований. Т. 6, №6А. 2016. С. 192-213.

4. Мархинин В. В., Пуртова В. С., Ушакова Н. В., Утенкова В. Ю. Персонализация избирательного процесса как конкурентный ресурс парламентской оппозиции в электоральном процессе региона (на примере выборов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре 2011 г.) // Теории и проблемы политических исследований. Т. 6, №6А, 2016. С. 214-229.

НАШИ АВТОРЫ

Анцифорова Наталья Александровна – научный сотрудник отдела изучения историко-культурного наследия и традиционных ремесел МБУ ИКЦ «Старый Сургут»

Antsifirova Natalya Aleksandrovna – Researcher, Study of Historical and Cultural Legacy and Traditional Crafts Department, Historical and Cultural Centre “Old Surgut”

E-mail: postoffice_natalia@mail.ru

Гавриленко Мария Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Gavrilenko Mariya Vitalyevna – PhD (History), Associate Professor, Foreign Languages Department, Novosibirsk military Institute named after general of the Army I.K. Yakovlev of National Guard Troops of the Russian Federation

E-mail: maria791@ngs.ru

Ковалева Ирина Викторовна – магистрант, Забайкальский государственный университет, Чита

Kovaleva Irina Viktorovna – Master’s Degree Student, Transbaikal State University, Chita

E-mail: ira.kovaleva9517@mail.ru

Курносов Валерий Валерьевич – аспирант, Сургутский государственный университет

Kurnosov Valeriy Valeryevich – Postgraduate, Surgut State University

E-mail: wampovorot@mail.ru

Литягина Алла Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина, Бийск.

Lityagina Alla Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Historical, Legal, Social and Humanitarian Disciplines Department, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk

E-mail: alityagina@yandex.ru

Мархинин Василий Васильевич (мл.) – кандидат философских наук, доцент кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет

Markhinin Vasiliy Vasilyevich (jr.) – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Political Science and Law, Surgut State University

E-mail: textref@rambler.ru

Морозова Наталья Александровна – научный сотрудник отдела изучения историко-культурного наследия и традиционных ремесел МБУ ИКЦ «Старый Сургут»

Morozova Natalya Aleksandrovna – Researcher, Study of Historical and Cultural Legacy and Traditional Crafts Department, Historical and Cultural Centre “Old Surgut”

E-mail: Natalya.samsonova91@mail.ru

Мясников Алексей Владимирович – архивист 1 категории, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита

Myasnikov Aleksey Vladimirovich – Archivist (1st category), State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita

E-mail: avmyasnikov1980@yandex.ru

Рашевская Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет

Rashevskaya Natalya Nikolaevna – PhD (History), Senior Lecturer, Surgut State Pedagogical University

E-mail: VNN.tmn@mail.ru

Рудницкий Юрий Александрович – магистрант, Томский государственный педагогический университет

Rudnitskiy Yuri Aleksandrovich – Master's Degree Student, Tomsk State Pedagogical University

E-mail: yura.rudnitskiy.93@mail.ru

Солодкин Яков Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заведующий научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований, Нижневартровский государственный университет

Solodkin Yakov Grigoryevich – Doctor of Sciences (History), Professor, Russian History Department, Head of the Laboratory of Regional Historical Research, Nizhnevartovsk State University

E-mail: hist2@yandex.ru

Спичак Александра Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории, научный сотрудник НИЛ региональных исторических исследований, Нижневартровский государственный университет

Spichak Aleksandra Vladimirovna – PhD (History), Lecturer, Document Science and General History Department, Researcher, Laboratory of Regional Historical Research, Nizhnevartovsk State University

E-mail: spichak-89@mail.ru

Татарникова Анна Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция, Уральское отделение Российской Академии наук

Tatarnikova Anna Ivanovna – PhD (History), Senior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences

E-mail: tatob777@yandex.ru

Федотова Дарья Юрьевна – младший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция, Уральское отделение Российской Академии наук

Fedotova Darya Yuryevna – Junior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences

E-mail: dashulya-23@bk.ru

Цысь Ольга Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, научный сотрудник лаборатории региональных исторических исследований, Нижневартровский государственный университет

Tsyt Olga Petrovna – PhD (History), Associate Professor, Russian History Department, Researcher, Laboratory of Regional Historical Research, Nizhnevartovsk State University

E-mail: tsytv@rambler.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: chalova_ap@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все статьи проверяются на плагиат.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю. Недопустимо предоставление в редакцию статей, опубликованных ранее либо направленных в другие издания. Статьи, не соответствующие требованиям, не рассматриваются и не возвращаются. Авторы несут ответственность за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках**:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Ivanova Anna Ivanovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- адрес с почтовым индексом;
- контактные телефоны;
- требуется ли печатная версия журнала (да/нет).

Образец

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32

89221234567

печатная версия журнала требуется

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков (с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Индекс УДК (по левому краю).
2. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
3. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится.
4. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется.
5. Ключевые слова (3-6 слов) на русском и английском языках.
6. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).
7. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Образец оформления статьи

УДК 37.012.3

Белокурова Т.В., Ставрок М.А.
Beloglazova T.V., Stavruk M.A.

**РАЗВИТИЕ ЛИНГВОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПОСРЕДСТВОМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

**STUDENTS' LINGVOHUMANITY CULTURE DEVELOPMENT
BY MEANS OF ACADEMIC MOBILITY**

В статье рассматривается формирование лингвогуманитарной культуры студентов через призму культурологического подхода. Особое внимание уделяется развитию социокультурной компетентности студентов, состоящей из социолингвистического, социально-психологического компонентов с учетом национально-специфических моделей поведения.

The relevance of this article is to consider the formation of lingvohumanity culture of students through the prism of cultural approach. Particular attention is paid to the development of socio-cultural competence of students consisting of sociolinguistic, socio-psychological components, taking into account specific national behavior.

Ключевые слова: лингвогуманитарная культура, академическая мобильность студентов, высшее образование, культурологический подход, лингвострановедческий компонент, коммуникативная деятельность.

Key words: lingvohumanity culture, academic mobility of students, higher education, cultural approach, lingvoculture-study component, communicative activity.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1, абзацный отступ – 1,25 см, поля: верхнее 2,3 см, нижнее 2,4 см, левое 2,2 см, правое 2,2 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию. Использование цветных заливок и выделений не допускается. Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании. Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif.

В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи.

Источники приводятся в порядке цитирования.

На все источники, включенные в список литературы, должна быть сделана ссылка в тексте.

Образец оформления списка литературы

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).

2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайнных сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/>(дата обращения: 25.11.2006).

3. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960–80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80–93.

Сведения о включенных в список литературы документах должны быть оформлены в соответствии с требованиями журнала.

Образцы оформления библиографических ссылок

10. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.

8. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

11. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.

7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.

2. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.

1. О производственных кооперативах : федер. закон Рос. Федерации от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 апр. 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 20, ст. 2321. – С. 4966–4979.

20. Приемопередающее устройство : пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09 ; заявл. 18.12.00 ; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

4. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (Система стандартов по информ., библиограф. и изд. делу).

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

5. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Фамилии авторов такого документа приводятся в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А. И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoegravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические ссылки на архивные документы

15. Гушин Б. П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.

7. Розанов И. Н. Как создавалась библиотека Исторического музея : докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки РСФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л.14.

12. Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 1 (37)
2018

Подписано в печать 12.03.2018 г. Дата выхода в свет 23.04.2018 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,7.
Тираж 80. Заказ № П-21.

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»
(3462) 762-988

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Цена свободная.